

12+

АНДРЕЙ ШЕВЧЕНКО

ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО

Андрей Шевченко

Тридцатое царство

«Издательские решения»

Шевченко А. И.

Тридешатое царство / А. И. Шевченко — «Издательские решения»,

Роман-эпопея «Тридешатое царство» повествует об исходе предков славян с севера Урала в южные степи и о большой войне с грабительским кочевым воинством.

Содержание

Тридешатое царство	6
Повесть 1. Старый вешун	7
Повесть 2. Подземный плен	21
Повесть 3. Возвращение Дажьбога	34
Повесть 4. Вещенье племён	51
Повесть 5. Ратный смотр	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Тридешатое царство

Андрей Иванович Шевченко

© Андрей Иванович Шевченко, 2026

ISBN 978-5-0070-0696-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тридешатое царство

Он везде: в мифах и сказках,
в островерхих чумах, в названиях
азиатских рек и озер, в
русской страсти к зимним развлечениям,
в наших светлых, как полярные льды,
лицах и волосах. Север... С его таинственной
Горой, уходящей своим ликом в райский сад
с жар-птицами и золотыми молодильными
яблоками. Север...
Не оттуда ли, из глубин праславянского
духа, этот могучий порыв, когда менее чем
в столетие несколько тысяч русских казаков
подчинили половину Азии — ту, где им
сопротивлялись не люди, а древние божества
холода и мрака?..
Север ждёт нас. Он ещё дремлет, но всё яснее
и отчётливее его сны о том, как скованный
океан освобождается и великий народ,
расселившийся и на юг, и на запад, и на
восток, возвращается на Родину. Время
приходит...

Повесть 1. Старый вещун

Ясным весенним утром по вершине вытянутого посолонь — с Востока на Запад — невысокого взгорья, венчавшего широкую долину, ехал верхом на лошади юноша-ратник. Он с улыбкой подставлял лицо ветерку-Свежуну, будто недовольному вторжением в его владения, восхищённо озира́л всё вокруг и пытался напевать, однако часто отвлекался на что-нибудь, и песня его опадала на нежную траву, как капельки росы.

— Какая приглядность в этих Землях! — воскликнул он и так зычно, что выскочил сбоку из травы и удивлённо посмотрел на хозяина пёс-полуволок. — Здоровко! Холень! Какая здесь красота! Ни Леса густого, ни топи смрадной, ни косматых асилков! Так бы и ехать до самого Прибрежья!

Посреди лазоревого Моря
Золотой остров Хорса возвышается.
Жарко — рудым цветом там ярится всё,
Заряница — Заря с дочерьми прохаживается...

А вон и Межозёрье. Видно, Яр хорошо знает дорогу.

Ездок вспомнил дядину обстоятельную запись на берёзовой коре. Всегда скупой на слова, Ярослав писал так, словно опасался и малейшей причины невыполнения своей просьбы. Эта необычность удивила Светислава, ибо совершить небольшой крюк по пути в своё селение и заехать к одиноко живущему на озёрном острове Лебедю нисколько не затрудняло. Об опасностях же и помышлять нечего. Они заканчивались в пяти — шести верстах от Леса. Поэтому предположение могло быть только одно: Светиславу надлежало проводить старика в Любомирово селение на Большое вещенье, где, возможно, решится дальнейшая участь всех их семи племён.

От таких мыслей настроение становилось ещё лучше: он не только возвращается после четырёх Лун в родное селение, где его будут приветствовать, с уважением и опасливо поглядывая на оружие, но и въедет туда с одним из мудрейших людей, который вызовет всеобщее любопытство и которого можно будет расспрашивать в пути обо всём, о чём пожелается: о травах для ран, о нравах лесных духов и о том, какие из них помогают асилкам, а какие их не любят...

Светислав повернул лошадь, и они начали спускаться по западному склону туда, где в редколесье блестело первое и самое маленькое из трёх озёр. Теперь путь пошёл по лугам, но животные нигде не виднелось. С глядя, самого высокого места, которое они недавно миновали, юноша не приметил ни одного селения. Возможно, эти выпасы использовались в летние меженные дни, когда на других трава, поедаемая коровами, не успевала отрастать, если скупилась боги на небесную влагу. Хотя в прошлое лето ярых, знойных дней посчитай что и не насыщалось, разве один — другой. К тому же и не мог Светислав их ощутить: и месяц светень, и месяц страдень в свой черед провёл он у границы, охраняя мирную жизнь пахарей. Лесные чудища асилки тогда словно уловили перемену в природе, то холодное дыхание Севера, которое уже сковало Острова и начало наступление на Землю: редкая ночь проходила без того, чтоб не обнажались мечи. Тишина вернулась лишь тогда, когда обозлённый гибелью восьмилетнего Пелыслава из рода Загомира, собиравшего в лесочке недалеко от селения ягоду и найденного растерзанным, Яр созвал лучших из ратников и отважно вторгся прямо в Лес на три поприща. Никогда до того люди не проникали так далеко во владения Велеса, где привычные и дружественные дубы, берёзы, ольхи часто сменялись рощами опасной бузины, зловещего терновника, колючих елей и лиственниц, расставлявших во все стороны свои кривые лапы и

не пускавших дерзких всадников. По три десятка стрел тогда оставил в Лесу и он, и каждый ратник — Сокол, но враг смекнул, что за расхищения и убийство людей будет жестоко наказан. Утих на время.

Воспоминания нахлынули, вернули в привычное состояние опасливости, но вокруг только летали птицы, мелькал то слева, то справа неутомимый Холень, и Светислав опять задумался о семейном.

В этот год он впервые может после сева ездить в священную вязовую рощу, куда ближе к полудню собираются юноши и девушки всех соколиных родов, а в иной день наезжают и из соседних племён — Кречеты, Лебеди и даже Журавли. Игрища, хороводы... Где певун или гудец — посядут кругом, слушают. Рощу посвятили Ладе и её дочке — красавице Леле, и Рожаницы отплатили людям: поселили в густой листве вязов множество соловьёв, иволг, свистелей и прочих напевниц, которые и в свет, и в мрак свистят, трелят, щёлкают, погудывают и ухают, так что и слова молвить не хочется. «Усладливо, как в Ирии», — говорила сестра Изяслава со вздохом. Однако слушать — то слушают да и знакомятся, приглядываются, а за жатвой — сговоры, смотрины, свадьбы...

И хотя в свои два десятка лет Светислав мог уже вручить приглянувшейся девице знак Лады и ожидать согласия (а ему, статному, красивому и опытному ратнику, — подумалось вскользь, — таких знаков, точно, будет вручено немало), нет, жениться он не собирался. Но юноше, которому не жутко было идти в Лесном походе дозорным и в одиночку нападать на становища асилков, не пристало робеть, разговаривая с девушками. А он робел. Хорошо, что в их четвёртой городье, пограничном укреплении с частоколом на границе Леса, были только юноши.

Светислав устыдился своих самодовольных мыслей, а взлетевшая пара уток — широкохвосток отвлекла его и заставила Холеня жадно посмотреть вослед и подвыть.

— Проголодался? — окликнул он пса. — Ещё версты три — четыре. Думаю, старый вешун не только травами питается, угостит нас чем-нибудь. А вот и второе озеро.

Лес сгустился. Ивы своими длинными вислыми ветвями трогали засеребрившуюся воду и плотно, как узор — край одежды, сопровождали береговую черту. Редкие осины сменились остролистами и берёзами с юной, клейкой листвой, сквозь которую взгляд проникал лишь на восемь — девять десятков саженей. Светислав на всякий случай наострил слух. Можно было наткнуться на семейство диких коров, слеповатых и напористых, или диких свиней со старым клыкастым кабаном. Он поправил плечевой пояс со съехавшим ниже лопаток тулом с луком и стрелами, привычно скользнул правой рукой по рукоятке меча, левой — ножа. Ни копыя, ни кольчуги, ни тем более щита со шлемом он с собой не взял: доброго оружия в достатке было только для берёжи — таких, как он юношей — Соколов и Кречетов, охранявших приграничье от вторжений врагов, однако на груди, на поясе, был удобно закреплён цеп, подарок Ярослава на день рождения, — с короткой берёзовой ручкой, толстыми медными кольцами и тёмным биллом из неизвестного металла. Яр говорил, что цеп этот был отлит гмурами, жителями горных Подземелий, у которых люди их племени в прежние времена выменивали за зерно и мясо более крепкое, чем их медное, оружие.

Холень куда-то запропал. То, что пёс не издавал никаких звуков, означало, что опасности нет, но Светислав уже привык, когда борзый и сметливый зверь обежит кругом да и вернётся, словно показывает, что всё в порядке. Здоровко по-прежнему вёз его вдоль берега второго озера. Странного берега, то резко бравшего влево и норовившего потеряться в прошлогоднем камыше, то широкой заводью перерезавшего путь, из-за чего надо было забирать далеко вправо.

Неожиданно впереди будто из-под Земли выросла-встала стена невысоких колючих лиственниц, и пришлось, чтобы объехать их, повернуться к воде спиной. С возвышенностей Светислав примечал, что озерцо с островом вешуна лежит как раз на полуденном Солнце от двух

других, и теперь досадовал тому, что надо забирать полверсты в сторону. А если там мшистая болотина? Вот и птицы приумолкли здесь: невесёлое место, несолнечное. Равнинный ветер Свежун давно отстал, потерялся в ивах, а Полуденник сюда, видно, и не залетает: сыро ему, жителю лугов и полей, в таких дебрях.

Сильнее всего Светислав удивлялся тому, что не встречал никаких примет обитания человека: ни троп, хотя бы малозаметных, ни даже сломанной веточки или былинки. Не сидит же сиднем старик на своём острове.

Вдруг юноша ощутил сбоку взгляд, устремлённый на него, и, как всегда, руки метнулись быстрее, чем мысли: миг, и он, не останавливая лошади, выдернул из тула лук, стрелу и, натянув жилу, изготовился бить. Сова... Смотрит — не видит с сухой ветки. Светь для полной уверенности осмотрелся, прислушался. Зверья вблизи нет либо затаилось. Только какой-то непонятный звук прилетел из-за лиственниц и пропал. Здоровко, чей слух был более чутким, запрядал ушами.

— Что это? — прошептал ратник, наблюдая за конём...

Тот мягко ступал по мшистой Земле и не показывал никакого беспокойства.

Снова тот же звук, но более протяжный.

— Дух великого Сокола, дай мне твои зрение и слух, дай мыслью взлететь над деревьями и оглядеть свой путь.

Шепча заговор, Светислав прикрыл глаза и — догадался: песня. Но кто может петь здесь, у жилища одинокого мудреца? Не он сам — голос юный. Угадывать однако уже не было надобности: лиственницы как будто расступились, ещё десяток саженей, и перед всадником появился узкий, с редкими кустиками лещины луг. Почти посередине его взгляду открылось совсем неожиданное: на зелёном ото мха плоском камне сидела девушка с полузаплетённой косой, в обычной одежде, перебирала цветы и негромко пела:

...В тёмном небе ликуют духи,
Чёрный бог там возвеселился:
Неразлучные бранятся дружны,
К лютой сечи идут, яряся...

Пение её изменялось едва ли не с каждым словом: то звенело, то рвалось жалостью... Конь остановился сам и замер. Светислав много раз слышал печальную повесть о соперничестве грозного Перуна и всемогущего покровителя зверья и растения Велеса, влюбившихся в красавицу дочь Дыя, но никогда эта повесть не принималась его душой так близко и сочувственно, словно всё происходило с ним самим. Вокруг него шелестели листвою осины, и, чудилось, все духи леса придвинулись ближе к краю лужка и внимают песне о своём грозном хозяине; а два-три облачка остановились у верхушки высокого осокоря и готовы нести поведенное девушкой вдаль, по всему миру, передавать своим братьям и сёстрам.

Однако ещё более, чем пение, поразило Светислава окружение незнакомки: подле неё, на камне, оцепенело сидел умиротворённый сладкими звуками здоровенный ворон, невысокую берёзку поблизости украсила целая стайка жёлто-зелёных лазоревок, а возле камня стоял и заморожено взирал на певунью его Холень.

«Уж не сама ли она Жива, богиня весны? — смутился всадник. — Человеку не может так легко покориться незнакомый зверь. Мой пёс остерегается чужих... Люди говорят: кто встречается с богами или духами, навечно впадает в забытие». От такой мысли он почувствовал холодок где-то под сердцем и проверил себя: вспомнил, для чего приехал сюда, в Межозёрье. Всё в порядке, память не пропала.

...Так бы и стояли они со Здоровком под ветками, не решаясь прервать чудесный напев девушки, если бы она сама вдруг не крикнула весело и звонко:

— Что же смутился, добрый человек?! Не подобает скрываться в лесу и глядеть из укрытия! Или принял меня за Луговичку?! Я человек!

И она засмеялась, да так, что вспорхнули птицы и недовольно каркнул старый ворон. Холень метнулся к выехавшему из-под деревьев хозяину и виновато забегал кругом коня, словно извинялся за своё предательство.

Светислав приблизился и спрыгнул на траву.

— Вона! Сокол — буяр в Земле Лебедей!.. И пробрался не по берегу, а сквозь заповедные, заговорённые рощи! Ловок! — она вновь засмеялась, пытливо оглядела его и, догадавшись, наконец, чего ожидает гость, назвалась. — Радислава из рода Творимира.

— Здравствуй. Белые боги с тобой. Я Светислав, сын Годослава, из рода Любомира. Ищу Гостомысла, вещуна из племени Лебедей, жилище которого на острове третьего озера.

— С твоей стороны, буяр, третье, — усмехнулась Радислава его высокопарной речи. — А от нашего селения — первое. Вот оно, ты долго его искал.

Она махнула рукой вправо от себя, и юноша готов был поклясться, что озеро появилось от её взмаха. Хотя с того места, где он остановился, увидев певунью, заметить воду было невозможно из-за деревьев и кустов лещины. Луг в ту сторону сужался, и густой камыш расступался не более, чем на сажень; там стояла небольшая лодка.

— Почём ты знаешь, что я долго искал?

Светь оглядывал берег, смущаясь встречаться с девушкой глазами. А она будто чувствовала его робость и нарочно посмеивалась после каждого слова. Да и держалась Радислава не как с чужим человеком: легко и немного свысока. На вопрос сразу не отзывалась, а пристально смотрела в лицо, будто ловила слова не только слухом, но и пыталась увидеть их.

— А вот знаю. Листичи и Цветичи оповестили.

— Ты разговариваешь с духами? — Светислав опять засомневался: человек ли перед ним. Места эти хотя и открытые, да безлюдные, кто угодно может поселиться.

— Дружу. Но ты ведь хочешь спросить о другом. Гостомысл спозаранку ушёл за травами. Сегодняшний день посвящён Живе. Трава аравень в большой силе до самого полудня...

— Ты знала о моём приближении, а вещун — нет? — удивился Светислав.

— Куда торопишься, буяр? — она усмехнулась. — Разве не желаешь побыть моим гостем?.. Просто когда дедуня уплывал с острова, ты ехал ещё по дальним холмам, и знать о том мы не могли: с тех мест духи ветров сюда не залетают.

— Как же не ведали, если говоришь про холмы?

— А я тоже так приезжаю к озёрам, только с другой стороны. От наших селений эти рощицы не видны. И в лугах ведь можно заплутать, как в Лесу, который ты сторожишь.

— Вижу, тебе любопытно наше приграничье? Зовёшь меня не по имени, а буяром. Ваши юноши-Лебеди вовсе не знают ратного дела?

— Вот поведаешь мне о своей берёже, посмотрим: дело это или не дело. А покуда пусти своего красавца попасть с моей Дичей.

Радислава вдруг резко свистнула, поворотившись в сторону, и вскоре оттуда показалась серо — белая тонкошея кобылица, длинный хвост которой и темноватая грива явно часто расчёсывались гребнем хозяйки. Дича без опаски подбежала к камню, с которого, взяв ворона на руки, уже поднялась

Радислава, и радостно приветствовала Здоровка киванием головы. Светь больше не удивлялся. Он обиделся на девушку за сомнения в пользе ратного дела, чему посвятил уже пять лет своей жизни. Последние его слова про Лебедей, возможно, прозвучали с насмешкой, но в племенах

Соколов и Кречетов, которым выпала охрана от набегов из Леса, многие даже из родичей высказывали недовольство тем, что остальные племена — Лебеди, Совы, Вороны, Журавли и Утки, поселившиеся в тихом приречье Котугдани и её притоков — не участвуют в берёже.

Светислав последовал приглашению девушки, пошёл к берегу. Её хорошо отбеленная рубаша, перехваченная белым же, обычным для Лебедей, поясом, была богато украшена цветными вышивками. И если по знакам на груди он уже смекнул, что внучке Гостомысла десяток и семь лет, родилась она в первую Луну месяца цветения, семья её нестаршая в роду, занимается землепашеством, то вышивки вокруг шеи показывали интересное совпадение: в семье Ради тоже было два десятка человек — родители, три брата со своими семействами и она, меньшая дочь старшего, единственная из четырёх сестёр незамужняя. Только в семье Светислава старшим был его дед Будислав.

Девушка неожиданно обернулась, поймала его взгляд, потом глянула через лук и стрелы за спиной гостя и улыбнулась:

— А вот наши лошади, видно, уже изучили друг друга.

Светь посмотрел назад. Вправду: Здоровко и Дича, вместо того, чтоб пастись, наперегонки кружили по лугу, похваляясь статью и резвостью.

— Скажи, буяр, а у тебя вот здесь поистёрлось? Где синим, об отце? — она показала пальцем, не дотрагиваясь до его рубахи.

— Нет, не истёрлось. Он погиб.

— Тоже был ратником?.. — догадалась Радислава и впервые посмотрела на юношу без улыбки. — В наши обиталища смерть — Мара приходит только к самым старым. Когда человек пройдёт весь свой путь. Но мы уважаем Соколов и Кречетов. И если собирается Вещенье племён, ваше слово всегда весомее.

Светислав промолчал. Теперь, когда девушка вновь стала такой, как во время своего чудесного пения — богатой самых разных чувств и мудрости старинной повести — он осознал, что она вовсе не стремилась смутить его и принизить, а скорее, наоборот, опасалась собственного принижения перед вооружённым всадником, хотела уравниаться. «Примеривалась», — подумал он, а, оказалось, сказал вслух.

Они уже вступили в лодку, туда же прыгнул Холень, и юноша оттолкнулся от берега.

— Примеривалась?.. — переспросила Радислава и улыбнулась, но уже по — другому: дружелюбно и доверчиво. — Да. К тому же ты мне любопытен: знаешь многое, что недоступно мне.

— Ты больше.... А я.... Разве о Лесе и его обитателях — асилках.

— Значит, ещё есть, о чём поговорить. Если не торопишься... А Гостомысла я о тебе извещу. Мы ведь тоже сегодня покидаем озеро.

Светь не спросил, куда они собираются. Он опасливо грёб, чтобы не облить спутницу водой с переносимого через лодку весла. Она же словно не замечала тесноты и, склонившись, поймала рукой цветок, но срывать не стала, а махнула мокрой ладонью в морду Холень и, когда тот зажмурился и встряхнул головой, потрепала его по ушам.

— Давай, Каркунь! Ищи хозяина, зови обратно! — Радислава резко подбросила ворона, и тот послушно замахал крыльями и над самой водой потянул в сторону дальнего берега, густо поросшего ивняком с мохнатыми нежно-зелёными щелкунами.

Ивняк и белый прошлогодний камыш плотно обступали берега озера. Казалось, здесь стояло селение с бледно-голубой поверхностью вместо Земли и со стеной вокруг для защиты от недоброго вторжения. А посреди селения — пригорок и строение из тонких брёвен с окнами на каждую сторону, под двускатной соломенной крышей. Светислав уже вышел на берег и ещё раз поразился красоте места, выбранного старым Лебедем для уединения. Небо сияло сверху и — отражением — снизу, из воды, а остров как будто зависал в воздухе, меж Небесами, и парил. «Не плавает ли он по озеру? — спросил себя юноша. — В Лесу, в топиях, мы наезжали на такие островочки, которые проседали под ногами и могли двигаться. Лошадей это пугало».

— Почему Гостомысл поселился здесь в одиночестве? — спросил он Радиславу, следившую с улыбкой, как обегал и обнюхивал незнакомое место пёс. — Ведь он был старшим вещуном вашего племени? Никто лучше не умел узнать изволения богов.

— Он с десятка и семи лет приносил жертвования Белым богам, избрав путь вещуна, как ты — ратника.

— Мы — с десятка и пяти лет.

— Да?.. У нас мало известно о буяхах... И вот пришёл день, когда Гостомысл надумал уйти, чтобы в тиши безлюдья постичь самое важное для нашего народа. Есть одна тайна, о которой он вопрошает богов с тех пор, как заселил этот островок. Если наши прежние Земли в Море захватил Вий, сын проклятого Чёрного Змея, если священная Алатырь-гора покрыта белой водой, о чём говорят и старики, и старухи, ещё выдавшие Блаженные острова, то куда же переселились Белые боги? Ведь мир не померк, Солнце — Хорс катится по Небу, значит, они живы. Когда бы Вий и его брат убили или заковали Белых богов, как было уже семь месяцев Сварога назад, нас бы они тоже убили. За то, что не отступились от Праведи.

— В моём селении тоже много говорят о том, где теперь наши боги, почему они не указали прямо с Островов путь, чтобы племена могли следовать за ними. Иные твердят, что нам нужно было сразу идти на Юг, что там тоже есть высокая и чудесная Гора и уцелевшие боги поселились на ней и посадили новое Дерево для восхождения в Ирий.

— Гостомысл сомневается: или так, как ты говоришь, и тогда надо поступать по примеру Волимиры, которая увела племена Ветра, Дождя и Грома на Юго — запад, едва к Островам подступил Холодень. Или нам выпало остаться на Севере и бороться, терпя лишения.

— Потому он и живёт на озере, похожем на Море, на островке, похожем на Великий остров Сварога?..

— И в жилище, похожем острой крышей на Алатырь... Живёт третий год, но боги молчат.

— Боги молчат, Студа наползает с Севера, асилки устремляются с Юга. Наш народ — как брусок для выковывания меча: с одной стороны холодная наковальня, с другой — тяжёлый молот.

— Теперь дедуня надеется на праздник Дажьбога. Подходит новый месяц Сварога, и миром два тысячелетия будет править Лада.

— Значит, Гостомысл приедет на Большое вещенье племён?

— Да... Он никогда и не сторонился людей. Всякий из наших родов с хворью, с заботой мог легко добраться сюда. Гостомысл не сходил с пути вещуна.

— Так он ушёл теперь искать какую-то целебную траву?

— Аравень. Пойдём в жилище. Там и воздух изгонит любую хворь.

Светислав вытянул нос лодки на берег, и они поднялись по крутому скату островка.

— Я люблю проводить его, — продолжала Радислава. — Здесь больше чудного и занимательного, чем у нас на Равнине. Лес, озёра, лужайки — они живые. Входи.

— Нет двери? Непривычно.

— Всё открыто. Ветры, которые добираются до этого места, не встречают жилища Гостомысла препятствием. Они многое знают, во многих местах летают и носят вести по всей Мироколице. Если чутко внимать им, то немало узнаешь, нигде не бывая.

Юноша подивился не только ничем не закрытым окнам на три стороны, но и бесчисленным пучкам трав, висевшим всюду, — чистеня, крапивы, чёмурия, борвицы, девясила и других, каких даже не знал, и ещё веткам деревьев с засохшими листьями, свежесрезанным голым прутьям ивы прямо над входом (из них, он слышал, делают всякие мазы), двум — трём десяткам липовых и яблоневых кошниц с крышечками повсюду, где только можно было их приткнуть. Подивился и тому, что здесь, как и в приозёрном лесочке, почти не было признаков обитания

человека: малозаметное огнище, немного посуды на столе, три — четыре мешочка среди трав, видно, с крупой и грубая постель в углу, всё в свежих травах.

Девушка приметила изумление Светислава.

— Он всегда спит на беложине, дырце или водоleti. А когда приезжаю я и ночую на его месте, то стелет травы в лодку, отталкивается от берега и спит так, покачиваясь на волнах. Чудно. Мне это напоминает древний обычай хоронить людей.

— Когда умершего клали в долблёнку и отправляли по Морю на Север? Пока Острова не покрылись белой водой и душам стало невозможно забраться на Гору.

— Да. А дедуня посмеивается: из озера куда уплывёшь?.. Вы, верно, проголодались. Буду стряпать.

— Я ещё не голоден, а вот Холень — точно. Спозаранку, когда мы выезжали, он так обрадовался дороге и не стал ничего есть.

Радислава вынула из-под дедова лежака большую котомку, и на столе мигом явились калач, пироги, две кринки и прочая снедь — всё на свежей, расшитой цветным скатерти.

— Холень! Красавец!

Пёс опасливо ступил через порог, косясь на шелестевшие у окон травы, и получил пол-пирога — морковника. Светиславу девица протянула вторую половину и туесок с квасом.

— Я приехала к ночи, а утром Гостосмысл не позволил стряпать. «Перевези, — говорит, — меня да дремли, внимай природе. В селениях, в заботах, вы многое уже не ощущаете, даром, что родовые птицы нас хранят». Вот я и дремала... Едва тебя не продремала. Да слышу, Дича чего-то забеспокоилась, заржала. Верно, какой зверь пробежал. Здесь даже медведи бродят... Через треть поры состряпаю похлёбку. Каркунь уже, верно, нашёл своего хозяина, известил о тебе.

Она суетилась, а Светь ещё раз осмотрелся.

— Да — а, а на Островах люди не хворали, и трав никто не различал.

— Различали, да не для того. Ведь нити и холсты всегда красили. Вон у тебя на голове перевязь — знак буяра. Ваш старший Ярослав просил найти такую траву, чтоб давала самый стойкий и нежный купавный, алый цвет. Как ранняя заря. И я нашла. Простой дырец. Только варить надо особо.

— Ты знаешь Яра, моего дядю?

— Дядю?.. А я сразу почувствовала что-то схожее меж вами. Да, Ярослав не раз заезжал к Гостосмыслу. Брал целебные мази для ратников, расспрашивал дедуню о дороге на Юг...

Светислав был удивлён: ни слова не слышал он от Яра о его знакомстве с Лебедем — вещуном.

— Что же ты не ешь? — Радислава раздула огонь, прошептав привычное приветствие Семарглу, и, уложив принесённые юношей дрова, которые у старика лежали с обратной стороны сруба, подвесила медный котёл.

Светь снял всё оружие, достал из своей котомки полотенце и спустился по крутосклону. Умыться удобнее было у лодки. Он ещё раз с удовольствием оглядел озеро, улыбнулся от красоты и покоя и наклонился к воде.

У берега играли мальки, и тень человека испугала их. Светислав погладил воду. «Эх, неужели нам придётся ещё дальше уйти от Моря? Есть ли на Юге такие чистые озёра и реки?.. Да и есть, так всё равно долго ещё будут эти Земли в наших сердцах. Вон старики — всё об Островах вспоминают, хотя семь десятков лет прошло, как покинули их».

Когда он воротился, у Радиславы уже бурлила вода в котле, в жилище старика был навешен женский порядок, а пучки трав перевешаны так, что не мешали ходить.

— Теперь съешь пирог и Расскажи мне о берёже, о ваших городьбах и лютых асилках.

— Это долго. Утомишься слушать.

— Слушать — не велик труд. Гостомысл тоже так говорит: «Я могу поведать тебе многое, да ты, внучка, задремлешь». Когда я была детём, он рассказывал нам о Блаженных островах, чудесной Горе, на которую, будто бы, некоторые люди, угодные богами, поднимались даже при жизни, об Ирийском саде с небывалой красоты птицами красной, жёлтой и жаркой расцветки, с жилищами из золота и сверкающих камней вроде тех, что у нас лежат в святилищах. И мы, дети, засыпали, прислонившись к нему...

— От моего рассказа, скорее испортится сон... Однако ж, старики говорят, что в Подсолнечной всё повторяется. Тогда наши потомки вернутся на острова в конце второго месяца в седьмой год Сварога. Если Вещенье решит: переселяться, я уверен, что можно пройти через Земли Велеса. Уходят ведь западные племена сквозь бесконечные Леса Бармы на Юг и Юго — Запад.

— Асилков можно одолеть? Или заставить бояться?.. Какие они вообще? Среди Лебедей говорят, что они — прислужники самого Велеса, высокие... в полторы сажени, сильные, как десяток медведей... — Они сильны, как пара медведей, на несколько вершков выше меня, но ниже нашего всадника, подчиняют себе всех зверей лесных, но те ненавидят асилков, ибо подчиняются страхом. Потому Лес можно обратить на свою сторону, против косматых. Когда я в Лесу, то по звукам, поведению зверья и разным приметам знаю всё: есть ли опасность вблизи, откуда ожидать нападения. Много подсказывает Холень. Асилков он чует за полверсты. Оружия нашего злыдни бояться, более всего — стрел. Когда мы ходили в Лесной поход, на наше становище нападали только ночью, но от огня и стрел бежали в большом смятении. А когда меня испытывали и посвящали в берёжи, я три дня и три ночи должен был провести в Лесу.

— И ты в одиночку бился с ними? — девушка поглядела так, что Светислав устыдился своего хвастовства.

— Нет, биться не пришлось. Требовалось не выходить из Лесу, уметь притаиться, видеть врага и оставаться невидимым. Так, поверишь ли, побывал у асилков на празднике.

— Они веселятся? Как мы?

— Асилки не звери. Хотя и не люди. Пять тысяч лет назад, когда боги вели войну за чародейную Мельню и Земля покрылась водой, те из племени великанов, которые жили у Пояса Рода, скрылись от наводнения в горные пещеры. Но гмуры, обитатели гор, воспротивились такому соседству, и начались стычки. Вода ушла, и великаны, которые теперь были много ниже прежних, заселили лес, и так появились рода асилков.

Я проходил посвящение во вторую Луну месяца лютеня, когда у них праздник прославления Велеса. Пробрался к их селению и затаился в старой листве большого дуба. Перун меня хранил. Недаром я принёс ему богатые жертвы перед испытанием. Вся берёжа особо почитает Перуна.

Асилки все — и старые, с седоватой шерстью, и дети — прыгали по кругу, хороводили совсем как мы, бросались в реку, обвешивались травами, обмазывались глиной, играли и шлёпали один другого. Этот род поселился у реки в вежах, дернушках, под навесьями. Потому меня не тревожили. Но в Лесу многие из них строят жилища на деревьях, в развилках. Они любят сидеть и качаться на ветках.

— Ты так и прятался на дубе три дня? — засмеялась Радислава. — Или не вытерпел и присоединился к их игрищам?

Смех девушки не уязвил Светя: был он не таким обидным, как там, на лугу, а сочувственным, даже с долей страха. Видно было, что ничего подобного она ещё не слышала.

— Нет, на игрищах я не бывал.

— Знаю. По вышивке на твоей рубашке. Тебе ещё десяток и девять лет.

— Уже два десятка. Вот приеду в селение и вышью новый знак. Нет, не вышью. Венцеслава, жена Яра, всегда мне на день рождения преподносит новую рубаху.

— Значит, ты уже не воротишься в городьбу. Может, женишься летом? — она сама смутилась своей шутке и поскорее спросила дальше. — И как вы там живёте маленькой ватагой? Скучаете, небось?

— На тоску нет времени. То дозор на лошади. Ведь от одной городьбы до другой — многие версты, и асилки могут выйти из Леса где — угодно. То таишься ночь в засаде. На отдыхе тоже забот хватает: оружие, одежду, обувь починить, частокол укрепить. Опять же стряпанье...

Радислава как раз пробовала свою похлёбку, зачерпнув из котла большой, видно, дедовой, ложкой с длинной, в виде лебединой шеи ручкой.

— Стряпня требует особой заботы и старания. В нашей семье у печи и огнища предводителями мой старший брат с женою... А как вы из буяров попадаете в ратники, в берёжу?

— Как попадаем — я уже тебе рассказал: через разные испытания и посвящения. А придумал такую охрану границы Леса мой дядя Ярослав. И началось это десятком и два года назад. Тебе известно, что, приплывя с Островов к Поясу Рода, наш народ сразу предложил установить границы заселения с гмурами и асилками? Старшие гмуры тогда сказали: «Равнина нам ненужная, а в горы не пустим». И всё. Однако ж они своим словам верны все годы. А вот асилки как раз наоборот: «Лес — наш, за Равнину откупайтесь животиной». Но ненасытность их с годами росла. Позднее начались захваты и даже убийства наших соплеменников. Лебеди, Журавли, Вороны присылали к нам своих ратников, но асилки быстро скрывались в Лесу и в схватки не вступали. Тогда Яр, которому было в две тысячи сто и четыре десятка восьмом году Купалы только два десятка и шесть лет, вышел на Большое вещенье племён и предложил родичам, как охранять селения от набегов. Теперь у нас четыре городьбы на границе. Да три у соседей Кречетов. Каждая семья в свой черёд отпускает подростка в буяры. Их тоже придумал дядя. Два года буяры в учении: оружию, скачке, языку птиц и зверья, житью в городьбе, дозору и многому другому по необходимости. А в десятком и семь лет — испытание, трое суток в Лесу.

— А после — алая перевязь на лбу, перья Сокола не справа, как у всех, а на затылке, особый — кожаный — пояс, чтобы носить меч или булаву, — Радислава оглядывала пожитки юноши на стене. — Да ещё наузы против асилка, медведя, волка, росомахи, лесовика, рыси, моховика... Сколь их у тебя?

— Полтора десятка.

— Попрошу Гостомысла сотворить тебе один заговор — не оберёг от разных напастей, а на силу всесветную.

— Разве ж такие бывают?

— Если не было бы, родные не позволили бы мне ездить сюда за три десятка вёрст по безлюдью да одной.

— А Лебеди бывают в Прибрежье, у Моря? Не ради охоты на морского зверя, а по обычаю, по которому каждому надо хотя бы раз увидеть те берега?

— В прежние годы не только к берегу ходили, но и в Море на больших лодках, лишь бы немного приблизиться к недоступным теперь Островам. Но в природе многое изменилось. Студа. Другие ветра, каких раньше не бывало. Пронзительный, сбивающий с ног Паздерник мечется по Прибрежью, подобно голодному лесному зверю... Нет, буяр, Лебеди теперь не ходят к Мory. А Совы, которые поселились севернее нас, те уже третий год как распахивают Земли рядом с нашими, где прежде осенью и зимой паслась животины. На их пажитях в месяцы темень и сечень травы почти что нет. Гоняют коров — овец к реке Котугдани: племя Уток не препятствует... А ты, — встряхнулась Радислава от грусти, — бывал там?

— Три раза.

— В два десятка лет и уже три раза?

— Да, впервой с отцом в десятком лет.

— А вправду люди рассказывают, что Огни Сварога там намного ярче, что Море дышит, уходя и возвращаясь, а в озерах водятся такие большущие звери, как в Море?

— Вправду. И озёрный зверь куда опаснее здешних. Один — величиной как два жилища Гостомысла, с шеей в две сажени — выпрыгнул на берег и гнался за нами полверсты. Ни стрелы, ни копия его не брали. Только лошадьми и спаслись. Стыдно Соколам показывать врагу спину, да...

— Он не враг. Видать, Студа и сам поганый Вий, повелитель Подземья и Нави, мира мёртвых, родили таких чудищ.

— Все так и подумали: выродок Вия и Мары... Если Холод будет наступать, то и в этих озёрах заведутся дети чёрных богов.

Радислава вздрогнула и впервые в жизни с опаской поглядела на любимое озеро.

— Не допустите, боги. Что же нам тогда будет делать, как жить?

— А не страшиться. Вот наше племя боится Леса и ночного мрака. Но если примечать и постигать тайны природы, можно стать сильнее всех врагов и даже духов и чёрных богов. Я всегда знаю, что ожидает меня впереди. По ветру, по птицам...

— И что же шепчет тебе в этот миг Полуденник? — улыбнулась Радислава.

В самом деле, уже не пар из котла с грибной похлёбкой носился в тесных стенах Гостомыслова жилища, а дневной ветерок перелётывал из окна в окно, забавляясь игрой с висющими всюду травами. Он то тихо шевелил их у порога, то неожиданно врвался с другой стороны и напористо толкал, раскачивал какой-нибудь хорошо высохший пучок.

Светислав прислушался.

— В этом году он посвежел, подрос. Новое, губительное, дыхание Севера начинает влиять на детей Стрибога и здесь, на Равнине... Я же чувствую, что до завтрашнего вечера будет ведро.

Радя засмеялась.

— Ты тратишь много времени, наблюдая за природой. Но, верно, часто путаешься. А я лучше спрошу у самого Полуденника.

Она ступила наружу и замерла. Подошёл и сел рядом Холень, вопросительно заглядывая ей в лицо. Ветерок нежно шевелил длинные волосы Лебедицы, а она прикрыла глаза и что-то неслышно шептала. Светислав заметил, как на другом берегу вдруг зашевелились ветви двух-трёх ив, когда остальные вокруг стояли неподвижно.

Наконец, Радислава заговорила, но очень тихо.

— С Северо-запада наползает большая туча, но здесь она не прольётся.

— Ветер тебе так сказал? — недоверчиво спросил Светь.

— Да. И ещё ему приятно, что ты назвал его повзрослевшим.

Она взмахнула руками и громко рассмеялась, вновь смутив своего гостя сомнением: не шутка ли это?

— Ты хочешь, Сокол, понять природу и тем самым покорить её. Но лучше быть её частью, и тогда не только Перун будет хранить тебя в Лесу, но и сам Лес.

— Да, лучше дружить с духами, наполняющими Мироколицу. Они ведь взбалмошны и переменчивы. Представляешь одно по приметам, а они вдруг передумают... — теперь засмеялся Светислав, и в этом смехе было недоверие.

Но вдруг через озеро промчался, взволновав воду, вихрь, и воздух вокруг Радиславы наполнился ивовыми зелёно-золотистыми шелкунами. Они закружились над её головой, а когда девушка протянула навстречу руку, то заскользили по пальцам, летая то вверх, то вниз, вслед за движениями кисти. После она резко повернулась, и вся летучая зелень метнулась юноше в лицо и, враз омертвев, осыпалась на Землю.

— Значит, такое возможно?! — восхищённо воскликнул Светь и бережно поднял несколько шелкунов. — Полуденник, Стрибожий сын, будь и мне другом!

— А ты проверь, внял ли он твоим словам, — предложила девушка. — Глянь, как тяжело летит наш старый Каркунь, как бы не зацепил воду.

Со стороны Юго-западного берега, с трудом махая крыльями, приближался Гостомыслов ворон. Юноша-Сокол шёпотом обратился к духу ветра, и в тот же миг у птицы распустился хвост, и, подхваченная порывом, она взметнулась на три сажени выше прежнего и вскоре сидела на руке Радиславы.

— Устал, красавец? — она ласково погладила его голову и клюв. — Он уже редко летает. Лишь вот так, чтобы вернуть Гостомысла к острову, если я или кто другой заедет. И только от озера. Из лесочка пусти — заплутает. Видать, слепнет.

— Иду! Иду! — вдруг прокричал ворон.

— Дивно!..- похвалила Радя.- А он много слов говорит. Значит, хозяин возвращается?.. Заждались. И застольничать пора.

— А кто ещё заезжает к Гостомыслу? — спросил Светислав.

— Да вот хотя бы твой дядя. Тогда Каркунь летит к дедуне, который всегда прогуливается, и кличет: «Ярь! Ярь!»

Ворон встрепнулся и снова прокричал своё «Иду! Иду!»

— Ты, буяр, поспеши к тому берегу, перевези.

Светь спустился к лодке и поплыл за вешуном, очень желая ещё раз проверить, слышит ли его новый знакомец — ветер. Он всё хотел обратиться к резвому дневному скитальцу, которого любил и там, в приграничье за то, что всегда приносил со стороны Леса запахи, так нужные берёже, опасавшейся нападения. Но мысль о Ярославе мешала сосредоточиться. Почему же дядя никогда не говорил о Гостомысле? Он и Радислава в одно время съезжались здесь? И его тоже Лебедица учила говорить с духами? Тогда почему он не передал это им, ратникам в городьбах? Яр так многому их учил, повторяя, что иная мелочь спасёт жизнь и надо уметь всё.

Такие размышления смущали юношу. Дядя во многом заменил ему погибшего отца, особенно когда для обоих Лес стал общей заботой. Он был для Светя и старшим, как для всей бережи и буяров племени, и другом, потому как племянник стал первым помощником Яра. Четыре Луны Светислав проводил на границе, у Леса, четыре — за обучением буяров. Для семьи они с дядей давно уже не работники. И добро, что род всегда готов помочь тем, у кого мужчины охраняют земли племени. А сколько раз они в паре с Яром прятались в Лесу, разведывая, не готовят ли асилки худого. Чужими жизнями дядя не любил распоряжаться.

Светь был уже у берега, когда по едва уловимым звукам от шагов и тревожной трескотне белоее он догадался: приближается человек.

— Здравствуй. Белые боги и быстрый Сокол с тобой, — громко промолвил вешун, ещё не появившись из-за деревьев.

— Здравствуй. Белые боги с тобой. Я Светислав из рода Любомира...

— Ратник из берёжи Соколов, — договорил Гостомысл за юношу, наконец, выйдя к обрыву и смущённо озираясь: люди и разговор спугнули три — четыре семейки стрижей, и они заматались у берега.

Старик поторопился впрыгнуть в лодку и сам, схватив за ветку ближайшую иву, оттолкнулся.

— Значит, из рода Любомира?.. Что он, в добром здоровье? Ладно ли в семье?.. Ты его внуком будешь или Будиславов, или Летиславов?

Юноша, отвечая, удивлялся осведомлённости Лебеда. Тот был схож с вешунами его племени: такая же длинная светлая рубаха, старческая меховина без рукавов, цветная вышивка по краю одежды, которая сообщала не менее как о десяти поколениях, начиная ещё с островных, с Горой и вечным вязом Ирия. Наузов с заговорами на белом, как у всех Лебедей, поясе — всего три, что удивляло: значит, не в количестве их заключена сила. А вот на шее, на одной бечёвке, — не только одинаковый для всех племён медный оберёг-солоник. Другой — догадывался Светь — Матери Сырой Земли, ещё один — Лебеда, вместо перьев на одежде или на

лобной перевязи. А маленький полотняный узелок — не иначе как с Землёй Алатыря. Такой Светь видел лишь один раз — у старого Сокола Лодомысла, умершего десяток лет назад.

Пока неторопливо плыли, Гостомysl расспросил о родственниках гостя и сказал, что знает его двоюродную бабушку и её мужа, хотя та и вышла замуж в другое селение Лебедей, не Творимирово, откуда сам вещун и Радислава. Старик держал себя приветливо и не скупился на слова, а заметив рубцы на руках Светислава, вздохнул сочувственно:

— Не ведали и мудрейшие, когда уходили с Золотого острова Хорса, что их детям выпадет оборонять оружием потомков славных аркаидов.

— Что же, дедуня?! Верно, я говорила?! — слышалось от жилища. — Чьи слова: «Сокол прибудет завтра?!»

Гостомysl ласково, шурясь от Солнца, посмотрел на внуку:

— Видно, чувствовала сердцем, Радя?

— Ветер подсказал! — смутилась девушка. — Умойтесь и — застольничать. Каркунь тебя не дождался.

— Ему всегда твоя стряпня — пир.

...Ели в молчании. Только старик восславил Живу, потому как был её день, но тут же посетовал, что неласкова она в этот год: не сыскал он и травинки аравня. Видно, запаздывает весна, сдвинулась к лету.

Каркунь сидел четвёртым за столом и по причине гостя раззадорился: хозяйски стучал клювом то по калачу или пирогу, то по чьей-нибудь чашке с похлёбкой. Только Холень немного беспокоил ворона, и он даже прикрикнул на пса, выбрав из знакомых слов первые наугад: «Стожары блещут!»

Радислава прыснула:

— Дедуня, ты его всем небесным сложениям научил?

После застольничанья, испив медового кваса, Гостомysl вышел наружу и присел на бугорок. Светислав хотел помочь девушке ополоснуть чаши, но та кивком направила его к старику.

Поговорили о приграничье, о предстоящем Вещенье всех племён и возможном переселении на Юг. Гостомysl не сомневался: Холод будет наступать. Но надо посоветоваться с Белыми богами. Не могут они молчать в такое лютое время и не направить свой народ. Наконец, старик заговорил о главном.

— Ты, Светь, — племянник Яря, которого знаю уже несколько лет, а родителя его и твоего деда — пять десятков лет. Годослав, его сын, твой отец, погиб ради двух народов, для которых асилки — враги: ради Соколов и гмунов. С ними он дружил. Потому верю, что его добрые дела вернутся ещё к тебе. Ибо всё в Подсолнечной возвращается: ясочки на Небе проходят круг; Белые боги и верные им народы уходят от Студы и заново заселяют Земли предков, когда свет одолевает тьму Чернозмиеву. Так и добро или зло выйдут из человека, потом отразятся от другого и — обратно да ещё с большей силою.

Тебе десяток и девять лет, а в берёже ты уже один из лучших. В одиночку поражаешь засаду из восьми асилков и — Перун тебя хранит — остаёшься невредимым.

При этих словах старика Радислава, присевшая рядом с мужчинами и ласкавшая Холенья, вздрогнула и удивлённо поглядела на Сокола.

— Вот такому человеку даю я своё поручение, и помнить теперь ты должен каждое моё слово, следовать же — неукоснительно.

— Так и будет. Говори.

— Что же, внимай, — и вещун начал неторопливо объяснять всё, что юноше требовалось сделать в тот день.

...Когда прощались, Радислава вспомнила своё обещание, и Гостомysl, пораздумав, велел Светиславу сесть на северную сторону островка, снять рубашку и устремить взгляд перед собой, чтобы представлялось Море и прибрежные Земли.

Некоторое время вещун сжигал какие-то травы. Они пахли резко и приятно. Затем жертвовал богам через огонь квас и после того обратился к юноше, прислонив к срубам свою опору — сухую дубовую ветвь. Поначалу он шептал едва слышно, но последние слова заговора Светь расслышал и запомнил: « Мати Сыра Земля на зелёном лугу родит зелья всемогучие, сила в них некрушимая над богами обосветными, над духами Земли, Мироколицы, вод, нор, лесов. Я сорву три муравушки. В первой — сила Рода Твастыря, во второй — Вяза-дерева, в третьей — прашуров в Навии. Хранят они Сокола — ратника Светислава в свет и в мреть.»

— Всё. Поднимайся. Будет опасность — почувствуешь вокруг себя незримую защиту... Если душа чуткая.

Подуставшие ноги напомнили Гостомыслу его почти девять десятков лет. Он прилёг и попросил внучку проводить гостя, покивав ему напоследок.

Теперь грести в лодке взялась Радислава и, потешаясь, брызгала и на буяра, и на его пса. Подплывая к берегу, кликнули лошадей: Радя свистом, Светь — особо — совиным уханьем. Те резво прибежали бок о бок и подталкивая друг друга шеями. Здоровко превосходил новую подругу ростом и крепостью груди и ног, но Дича была упряма и словно чувствовала, что, холёная, с широко развивающейся чёсаной гривой и длинным, до Земли, хвостом, она в этих местах первая красавица.

— Проедусь немного, а то увяжется за вами и останусь пешей, — сказала девушка, ловко запрыгивая.

— А что, мне сменная лошадь будет кстати, — Светислав перекинул через шею коня два куля с вещуновыми травами, проверил своё оружие и тоже воссел верхом.

— В добрый путь! — весело крикнула Радя и, уцепившись за гриву, толкнула Дичу в бок. Юноша помчался следом.

Приозёрный лес кончился через полверсты, и снова — многотравные луга с редкими берёзами и кустиками рдянки, крушины, с камышниками в низких местах — араинах. По знакомому хребту Пояса Рода Светь определил местоположение: Каменное взгорье, куда он теперь направлялся, находилось в десятке и двух верстах.

— Моё селение там, — показала рукой на Северо-восток Радислава и остановила лошадь. — Вскать туда — одна пора. Если утром выезжаю, то к полудню я уже на дедунином острове.

Кони ерепенились, норовили пуститься вперегонки, но их сдерживали.

— Ты хотя и ратник, но не думай, буяр, что поручение дедуни простое. Недаром тебя выбрали... — девушка смутилась. — Будь осторожней.

— Я и без того всегда настороже... Так Гостомysl зовёт тебя Радей? А мне можно этим именем?

— Так меня звали детём... Ему я всегда буду маленькая... Что же...

— И ещё скажи, — остановил ратник прощальные слова, — почему в твоём напеве Перун и Велес-друзья? Ведь они братья.

— А и братья, и друзья могут стать врагами, если полюбят одну... Вот и всё. Боги с нами, свидетеля. Помни: твоё поручение и мне нужно.

Она резко толкнула Дичу, и даже растерянное ржание Здоровка едва ли поспело следом за стремительной парой, издали похожей на одно существо с двумя головами и о четырёх ногах.

— Мчится, как Сокол, а статью — Лебедица... — подумалось Светиславу. — Белые боги с тобой, красавица...

Юноша поехал по невысокой траве, спугивая луговых птиц, и рассеянно размышлял о великом труде прашуров, ушедших с Островов, которые выжигали здесь вековые деревья, сеяли поля, бросали их, истощив, под пажити животине и снова, попросив прощения у Матери Земли, распахивали её, чтобы растить жито, ячмень, пшеницу, гречу... А Гостомysl ещё помнит блаженную жизнь там, среди Моря, где до прихода Студы их народ жил, как боги в Ирии, питаясь от щедрот Земли и не зная мяса, где трава для коров, овец никогда не убывала, даже в

ту пору, когда Солнце покидало небо на шесть — семь Лун. Гостомысл мудр и многое помнит, но кому нужны кули сухих трав, хотя и чудодейственных, среди диких мест, почти брошенных родом Вышемира? Что за странное поручение? Видимо, тут нечто особенное. Ведь через день — другой растреплет их зверьё или замочит дождём. Знать, не в кулях дело, а в том, что Светиславу предстоит въехать на пять холмов. Словно подать знак неведомо кому. И Ярослав, и Гостомысл весьма надеются на него, однако ж не делятся тайной. Странно...

Но более всего необычна Гостомыслова внучка. И среди Соколов есть немало статных и рассудительных девушек. Десяток таких, пройдя испытания буяров, находятся в берёже, ходили в Лесной поход. Но если самые весёлые и речистые из них приводили Светя в смущение, то у озера он, хотя и оружный и конный, а будто в плен попал. Только не в тот плен, который случался с неосторожным человеком на границе Леса: схватят асилки такого, раздерут, как и медведь не раздирает... Нет, не в такой. Здесь будто по сердцу деранули когтями, и закровоточило оно, мешает легко дышать.

Что же приметного в этой Радиславе?.. Весёлый нрав, смех, словно жаворонок упивается ясным днём? Или ученье стариково, ведовское?.. А видел ли он явственно духа ветра — Полуденника, не очаровала ли его внучка вещуна на миг — другой?.. «Лучше быть частью природы, и тогда в Лесу тебя будет хранить сам Лес...» Скажи такое среди своих, ратников — только удивишь. Лес — злобник, убийца, от него лишь напасти, а асилки — часть его. Они и есть Лес, его хозяева. Там выживают лишь угодные богам, сноровистые и опытные...

Светь ехал в глубоком размышлении, и две поры времени, проведённые на озере — полудень и заповдень — рождали в его сердце такие истому и беспокойство, что, была бы своя воля — туда вернуться или в родное селение ехать — может, и прождала бы его мать и все родные ещё одну Луну.

А как она, Радислава, Радя поведёт себя не на одиноком лесном острове, а в Любомировом селении, куда наедут гости из всех племён и даже, говорят, от Западных племён, из-за Пояса Рода?.. Там будет и Яр, который один может сказать всем, способен ли их народ, отбиваясь от асилков, пройти на Юг. Яр — статный, отважный. Все родичи, коим по семь — восемь десятков лет, разговаривают с ним уважительно. Берёжа из Соколов и Кречетов по одному его слову двинется на битву хоть с самими Чёрными богами, захватившими Север. Радислава много раз упоминала Яра, а тот часто бывал у старого Гостомысла. Когда встаёт Солнце, Луна бледнеет. А перед дядей Светислава поблекнет едва ли не любой мужчина во всех шести соколиных селениях. Но, может, он захваливает родственника? Ярослав — ратится, пахари — кормят народ, кузнецы выделывают медь. Всякий следует своему пути, всякий достоин уважения...

Пока Светислав плутал так в своих мыслях и томился воспоминаниями, горы заметно приблизились. Острая вершина, выдающаяся из гряды, сдвинулась к Северо-западу. Значит, они со Здравком едут правильно. До Каменного взгорья не больше четырёх вёрст, и если шагом — к подвечеру доберутся, а в первую пору ночи придут в своё селение.

От оконечности Пояса появилась вдруг землистого цвета туча, но Западный Свежун нёс её мимо, в Земли Журавлей. Однако ж Солнце она прикрыла, а Светь ещё раз вспомнил и то, что предсказывала его новая знакомая, и то, как озёрный ветерок помог долететь старой птице. «Значит, может человек переговариваться с духами?.. Тогда пусть угонятся за мной». И он пустил коня вскачь.

По необозримым для глаз, неохватным для мысли просторам Севера мчался юный ратник навстречу новому. Ещё с большой торопливостью неслась в другую сторону мутно-синяя туча, вобравшая в себя влагу, равную целому горному озеру, по которому в этот миг неслышно скользила её тень. И они — человек и туча — не мешали друг другу, они едва видели друг друга, ибо тысячи туч, тысячи тысяч людей вместит в себя Север, и ещё останутся пространства, где хозяин — неведомое и неизвестное...

Повесть 2. Подземный плен

Каменное взгорье встретило Светислава тишиной, словно и ветры, дети Стрибога, боялись резвиться здесь. Когда — то, в первые годы переселения людей с Островов, Взгорье распахиwali. Добре, что не было потребности подсекаль и жечь деревья: они здесь не росли. Но проклятость места вскоре сказалась: урожаи выходили хилые. Тогда попробовали пасти животину. Она исчезала, и самые отважные из Соколов робели, увидев ополуночи неведомое — «круглые огни», беззвучно выходившие отовсюду и блуждавшие по Взгорью, будто искали чего-то. Вещуны говорили: Виевы слуги выбираютс в безлунье из-под Земли, и тогда исходит в Явь из Нави огонь Пекельного подземелья. Место бросили было, но Холод и нехватка пажителей заставили людей из селения Вышемира пасти здесь коров и овец. Но только днём, под защитой Солнца.

Потому в подвечернюю пору Светь не мог встретить здесь кого-то из людей. А вот о всякой погани и нечисти он опасливо подумал и прошептал два — три заговора, взявшись правой рукой за солоник на груди, ибо оружие могло и не уберечь от бесплотных духов.

Когда Гостомысл отвёл его на другую сторону своего островного обиталища и указал небольшое место без травы, Светь не сразу смекнул, что кучки песка перед ним на Земле — Пояс Рода и Каменное взгорье. Однако же, едва старик объяснил нужное и спросил, сможет ли юноша запомнить наметки, тот сравнял их и легко отстроил заново, все два десятка и восемь возвышенностей. Да прибавил каменья, где с Юга и Юго — востока располагались крайние селения Соколов и первая городьба, которой в это время предводительствовал его друг Ладослав. Старик порадовался, а Светь успокоил: он даже лесного бездорожья удерживал в памяти до десятка вёрст, безошибочно возвращаясь на Равнину.

Теперь три первых взгорка стояли перед ним. Следуя указаниям, он направился к горам низиной, удерживая Здоровко на шаге. Пёс бежал рядом, хотя незнакомое место его настораживало. Безлюдье, беззверье... Только на одном из склонов мелькнула любопытная полосатая голова барсука, словно сторожившего вход в это опасное место, и юноша в мыслях попросил позволения въехать.

Вдруг он едва не уткнулся в странную яму, в сажень шириной и в две вглубь, вокруг которой всюду была ровно разбросана вынутая Земля, ещё не проросшая травой. Ратник заглянул вниз, но гладкое глинистое дно, словно обработанное лопатой, мало походило на путь в Навь: ни реки Свароды, ни пограничного моста из калиновых брёвен, любимого дерева Семаргла. Чем вырыли яму, также понять было трудно. Не нашёл опытный юноша и каких — нибудь следов вокруг. Если не люди (а Соколы и их соседи не копали Мать Сыру Землю, почитая её и извиняясь даже за полевую вспашку), если не звери (не по силам такое) и, конечно, не асилки, которые не смеют забредать так далеко от Леса, то кто же?... Загадка. Не найдя объяснения, Светь ещё опасливее двинулся дальше. Старый вещун оказался прав: здесь всегда встречаешь неожиданное.

Через полверсты они наехали ещё на такую же яму, вырытую тоже не более как два — три дня назад, а в стороне, в сотне и пяти десятках сажений, видно, была третья, но Светь решил не отклоняться. Он снова всё тщательно осмотрел: вторая яма была немного глубже, и здесь из Земли вынимали не только глину, но и мелкий камень и песок. Неподаляку росла нежная трава чёмурь, и кто-то примял её, но распознать следы Светислав не смог. Одно он понял: ближайшие дожди должны были полностью заполнить ямы водой, где — то обвалив края, и тогда любой человек проехал бы мимо, приняв их за обыкновенные богачи. Кто бы стал искать ветку да мерять глубину?

Ещё немного езды, и он прибыл на место. Теперь следовало у самого низкого холма оставить вещуновы мешки с травами. Вот они — два обросших мхом камня. Меж ними Гостомыс-

ловы снадобья и должны быть скрыты для какой-то неведомой надобности. Хотя Светь любопытен и привык разгадывать тайны, но стариковы кули, о которых тот ни слова не сказал в объяснение, как и ямы, пока оставались загадками.

Второе поручение — въехать на верхушки пяти вдоль Пояса в ряд расположенных холмов. И это непонятно. Однако Светь в точности исполнил наказ старика: проехался по возвышенностям и заодно рассмотрел пристальнее, чем в прежние годы, ближайшее предгорье Пояса Рода, который явился когда-то по изволению бога — творца, чтобы спасти от Всесветного половодья обитателей владений Бармы и Велеса. Здесь, у Земель Соколов, он распадался на кряжи и только к вершине, прозванной Кетманыю, громоздился ступенями. Видна была отсюда и северная оконечность гор. Там жили Вороны, братское племя, соседствующее с Востока с Лебедями и Совами. А из Леса Светислав иной раз выбирал направление по другой вершине — Березани, но она доступна взору только от первой городьбы.

Юноша присмотрелся: так и есть, макушка Кетмани белая. Ранее он видел такое только в Прибрежье. Но там насыпят злобные духи белой воды, а Земля в одну пору впитает в себя, освободится от пут Дыевых. И лишь Острова, говорят, покорились Холоду, закрывшему их белой водой на долгие месяцы Сварога.

Ратник — Сокол сообщит эту худую весть родичу Любомиру. Возможно, сторонников переселения на Юг станет больше. В последний год Купалы у природы всё более знаков похолодания уже здесь, у Леса. Всё вокруг: Небо, Земля, звери, ветры, деревья и травы — твердят одно: наступает Студа, уходите прочь, ищите тепло. Старики сказывают: семь десятков лет назад, когда племена островных людей уходили от Моря, в здешних лесах водились гривастени и бурогоры. Куда они ушли? Где теперь новая Блаженная земля? Пусть оповестят людей Белые боги на Большом вещенье. Сам мудрейший старик из Межозёрья станет вопрошать Сварога, Сварожичей и всезнающую

Макошь о будущем, об участи их народа.

К Светиславу вдруг пришла шальная мысль: а что если взобраться на вершину, так заманчиво блестящую в лучах слабого уже Солнца? Взобраться и вызвать на бой всю чёрную нахрапистую силу, которая того и гляди бросит сухую белую воду и на его родные поля, селения, застудит Землю, реки, сгубит зелень трав?.. С ним его добрый и верный меч, дареный крепкий цеп да меткий лук. С ним науз с заговором Гостомысла от всех напастей и врагов. С ним сила вещего Сокола, чьи обронённые перья подобрал он в десяток и четыре года, восприняв с ними смелость, ловкость, зоркость родовой птицы — охранителя. С ним всегдашние помощники — конь и пёс, много раз выручавшие у злотворного Леса... И даже не взобраться, а — взлететь-взмыть быстрым Соколом и там, на горе, сразиться с Дьем, чёрным богом ночи и ночного Неба, да с его слугами. Ярослав говорил, что каждому выпадает по силам его: кому поле вспахать, кому омешик сковать, кому защитить свой род — племя ото зла... Что выпадет ему, Светиславу? Выполнит поручения, отдохнёт да возвратится в свою городьбу сторожить Лес? Или, может, пойдёт, с другими опытными ратниками впереди всех семи племён сквозь этот Лес на Юг, куда уже ушли с других Островов ещё день Сварога назад племена Борей и Олений, Лосей, Белок, Куниц?..

Пора уезжать. Солнце -Хорс остывает и клонится к небостыку. Светь подбодрил Здоровка и Холеня, наметил себе путь на Юго-восток и спустился вниз. Вскоре возвышенности остались за спиной. Кроме одной, крайней и самой низкой. Венчал её широкий чёрный камень с заострённым когда-то, но сглаженным временем верхом. Из-за таких и назвали это место Каменным взгорьем. Других камней — глыб здесь почти не было — обычная Земля. А эти, в большинстве полуразрушенные, стояли никому неведомым, даже вещунам, напоминая о прошлых годах Сварога, когда, может, на всех Островах, а не только на Великом с Горой Алатырской, жили боги, а люди вместе со зверьём обитали в лесах.

Берёжа первой городьбы, большей частью из ближайших к холмам селений Вышемирова и Ратиминова, рассказывала, будто непросты эти камни, а на иных уцелели древние надписи. Тот, что высился в двух десятках сажень от Светислава, и должен быть таковым, ибо сохранился лучше остальных. «Когда ещё выпадет проехать через Взгорье? Если надписи есть, запомню, порасспрашиваю Гостомысла. Вещуны сами всегда говорят: забыв прошлое, будущего не иметь».

Спрыгнув на Землю, Светь начал подниматься по косогору. Вдруг побудка его, голос изнутри, из души, что всегда у Леса чуяла угрозу ранее ушей и глаз, предупредила об опасности. Он замер, огляделся: никого и ничего. Оставленный конь принялся пастись, Холень же сел и, дыша с вываленным языком, вопросительно глядел на хозяина. Увидев обнажаемый меч, наострился было, но ненадолго.

Юноша снова пошёл к камню. Когда ступил на ровную, округлую верхушку, то вперёд осмотрел невидимый до того южный склон: безлюдно.

Три шага и вдруг — справа, в двух сажень, яма, такая же, как те, другие, совсем свежая: Земля кучами, неподсохшая. Взвизгнул пёс, шорохнуло за спиной и — удар по голове...

Что-то белое наполнило воздух вокруг ратника. Так туман в овраге густым птичьим пухом укрывает Землю, и не увидишь своей же руки: чуть отодвинешь её и — пропадает. Едешь на лошади, круп — под тобой, а головы её нет, только рука держится где-то в неизвестности за мокрую гриву.

Но рукоять меча крепко зажата, и Светислав вздымает руку разить врагов. Они здесь, в молочной пелене. Жажнут повалить его, скрутить. Он поворачивается, очерчивая острым лезвием круг, не пускает к себе, но сознание уходит, ноги превращаются в туман и расплываются. Последнее: перед лицом появляется маленькое чудовище, ростом ниже его ударов мечом, оно человеческими глазами на мохнатой морде зырится и что-то шепчет — неведомое и скрипучее. Светь проваливается — падает: «Как же я так...» И всё.

...Пламенники. Огонь мелькает вправо — влево. Чужой огонь — не от жира морского зверя, не от восковой свечи. Но запаха не уловить: болит голова, сырость обволакивает со всех сторон, вползает в спину. Может, поворотиться? Руки — ноги связаны, но если выгнуться... Теперь он на боку. Только на пламенники глядеть неудобно. Их несколько или один, просто огонь разделён жердями двери?.. Сокола заперли, но там, у входа, кто-то оставил свет. Если это можно назвать светом. Тёмные силы ненавидят и само оное слово. А кто же, как не они, пленили его?

Светислав вспомнил бородатое лицо с низкими чёрными глазами. Вот и сразился с диевичами, не нужно и на гору вскакивать или залетать. Перенесли его через калиновый мост в Навь, к Вию, откуда в Подсолнечный мир уже не возвращаются. Жаль Здоровка и Холень. Жаль мать, родных... Радиславу... Сколько учился он предугадывать-осторожничать, сколько времени отдал на овладение мечом, луком и иным оружием. И всё напрасно... Но почему не убили?.. Иль убили?.. Да разве души связывают верёвкой?

Он три раза перевернулся — стена. В другую сторону — снова каменная стена. Меж ними — две сажени и пядь. Нашупал ногами дверь: прутья не деревянные — медь или другой крушец, скреплены часто, менее, чем через вершок. Только руку просунуть. Да руки-то в путах. Теперь, когда лёг посередине клетки, огонь кажется разделённым надвое. Сильно чадит. И как сразу это не учуял?

Вдруг Светислава пронзила приятная догадка, от которой даже потеплело в груди: в сапоге по-прежнему лежит и ясно чувствуется надпись на коре от Гостомысла к Ярославу, а под рубахой сбился к руке и ощущается кожей его медный солоник. Разве стали бы виевичи оставлять ему носимый всеми людьми главный оберег с раскинувшей крылья птицей Матерью Сва и — на обороте — со знаком Сварога и творения мира — Солнцем с двенадцатью лучами по числу небесных сложений, что ходят вокруг Алатыря, серёдки всей Подсолнечной? Нет,

враги Белых богов, если сумели скрутить его, одолев силу оберёгов, то уж не оставили бы их в сохранности...

Связали, но не убили, бросили в каменную клеть, но оставили огонь; забрали оружие, но не взяли солоник; лицом страшны, но не злобные духи. Юноша сумел сесть, а одновременно с тем и догадался: он в Подземелье, у гмуров. В нутре горы Кетмани.

Гмуры не враги, хотя и не друзья. Ещё три десятка лет назад меж ними и людьми — Соколами, Воронами — шёл обмен: металл — медь и оружие — на зерно, мясо. Но, видно, обитатели пещер снова научились растить в высоких горных долинах всё, что требуется, и что в старину разоряли и похищали у них асилки; обмен прекратился. Для чего же они при свете вышли в Каменное взгорье, в Землю рода Вышемирова, да ещё и роют ямы?

Осознав свою правоту, Светь почувствовал лёгкость и уверенность. Завтра Гостомысл встретится с Ярославом, и пропавшего юношу хватятся. Яр легко поймёт по следам, примятым травинкам, сдвинутым камешкам весь путь своего племянника. Гмуров заставят объясниться. Так что остаётся ожидание.

Но пребывать в безделии Светь не привык. Нашупав сзади, в стене, каменный уступ, он принялся перетирать об него верёвки пут. Нашёл дело и уму — размышление о том, как разговаривать с гмурами.

Прошло время, не меньше как полпоры. Издали, глухо ударяясь по стенам пещеры, донеслись голоса. Потом начали приближаться шаги. Когда Светиславу казалось, что идут в двух десятках сажений, неизвестные стали открывать дверь, и противно заскрипела её верхняя пятя. «Ходят так тихо или слышимость здесь особенная? — подумалось ему. — Да ещё внимаю я снизу, лёжа на полу».

Вошли с пламениками, и клеть осветилась. Существа осматривали его, Светь глядел на них. Двое. Видом одинаковы: семи-восьми пядей росту, но широкие в плечах, лица заросшие — нос да глаза, одежда-обувь — кожаные и меховые, меховые же и накидки, на поясах широкие мечи в ножнах, груди защищены колонтарями, но не медными — из неизвестного металла. Удивили Светислава бечёвки на рукоятках мечей, очень волосатые руки, открытые до локтей от одежды, и глаза, по которым он сразу понял: эти ратники видят в темноте куда лучше него.

Они развязали ему ноги, подняли и подтолкнули к выходу. В руках гмуров (хотя юноша ещё не уверился, что это они) почувствовалась недюженая сила и цепкость, но согласия и сноровки им недоставало: хозяева горных пещер не сразу договорились, как вести человека, забавно ворчали, меняясь местами и опасливо наставляя на него короткие, с острыми наконечниками копья.

Но вот тронулись в путь: один пошёл впереди с пламеником, такой же — позади, а вторым, в сопровождении двоих с обнажённым оружием — Светислав. Он с великой радостью размял тело и ощутил, что здесь вовсе не холодно — если не находиться на голом полу. А вот проходы — не для него, идти пришлось, склонив голову.

Когда — то детём Светь наткнулся у реки, в лесочке, на большую муравьиную кучу, в которую ступила копытом напуганная им оленица. Он поразился тогда бесчисленности маленьких норок в месте разрушения. В этот день в муравейнике оказался он сам: ходы вправо, влево, ступени то вверх, то вниз, и всюду, куда не проникает сила огня, стеной нависает густая, будто шевелящаяся темень. А гмуры шествуют так уверенно, будто могут обходиться и вовсе без света.

Ратнику, наклонённому и с руками назад, невозможно было определить: пробиты ли пещеры орудиями или они — причуды самой природы. Но порой потолок уходил в невидимую высь и по стенам сползали бело — серые каменные языки, к которым, точно, ничья рука не прикасалась. «И вся красота? — сожалел он о гмурах. — Ни Солнца не видят, ни рек-озёр, ни лугов с цветами... Выползают ночью и, словно совы, представляют мир лишь с одной стороны. Хотя те, пленившие меня на Взгорье, если не днём копали, то в подвечер точно. Значит, свет

им без вреда. А будут ли мне эти пещеры безвредными по заговору Гостомыслову? «...над богами обосветными, над духами Земли, Мирколицы, вод, нор, лесов», — вспомнил он.

Проход расширился, повысился, а саженой через сто на стенах появились пламеники, и идти стало легко. Попадались обитатели горы. И снова человек с Равнины и маленький народец с большим любопытством осматривали друг друга. Дети гмуров, как и должно быть, оказались безбородыми, и лица их, круглые, белые, с тёмными живыми камешками глаз, да меховая одежда позабавили высокого, светлого лицом и волосами человека. «Есть дети — есть семья, — смекал Сокол. — Есть семья — есть закон. Наш Закон Праведи после Белых богов и предков чтит семью. Без семьи никакой народ не сумеет выжить».

Вдруг его резко повернули вправо, и Светислав вмиг ослеп от ярких огней. Зажмурившись, он решил было, что возвратился в свой мир. Но там-то уже правила ночь. Если только он не провёл в каменной клетке четыре поры. «Вот тебе и владения Вия», — едва не вслух проговорил он, открыв глаза. А восхититься было чем. Большой зал, как место для Вещения в его селении, был хорошо освещён и наполнен существами. Светислава явно ожидали и потому вмиг смолкли. Но два десятка гмуров и среди них один — на красивом, цвета Солнца троне — не заняли первое внимание юноши. Куда примечательнее были здесь высокие стены с огнём в каменных чашах, с бледно-зелёными выющимися растениями; гладкий блестящий чёрный пол; зелёные и белые, словно большие живые цветы, чаши у стен, все разного вида и дивной причудливости; отвесно из полумрака потолка падающий родник и в сажень шириной, зелёного же камня рукотворное озерцо, куда та вода с лёгким шумом сыпалась. Ещё два родника сбегали по стенам и исчезали в глубине горы, а стены прерывались четырьмя входами — на равной дальности друг от друга, все с цветными камнями по серебряным наличникам, огибавшим их дугами.

Гмуры, верно, давали чужаку осмотреться и восхититься в полной мере. Но Светислав каждое празднование в честь Белых богов мог видеть нечто подобное — в Святилище своего рода. Не было там только неживого огня: такой вещуны не признавали. Хотя и здесь не только пламеники давали свет. Юноша разглядел в пяти — шести местах потолка узкие щели и слабое мерцание в средней из них. «Луна. Идёт она по небосводу и заглядывает в эти щели в одну за другой. А днём — Солнце. Свет ниспадает на слюду повыше тех чаш, а от них, верно, на противоположную стену, к широким белым чашам. И так рассеиваются лучики Хорса светлыми зёрнышками. А днём здесь почти как снаружи, на Земле. Разумно придумано».

Сидевший старший гмур подал знак, и Светислава подтолкнули вперёд. В молчании ясно прощёлкали его шаги — как конские по каменистому берегу реки, а ратники позади будто не касались пола. Оказалось, во всех дверях теснились, не входя, маленькие обитатели гор. Явно, не всякий из них выходил из Подземелья и видел когда-либо людей, таких близких соседей. Да и из берёжи первой от Пояса Рода городьбы никто не рассказывал об увиденном хотя бы раз в жизни гмуре, а Светь как более опытный проводил там по велению Ярослава два раза по четыре Луны. Тогда же ездил и в Каменное взгорье и даже тягался в резвости коней с другом Ладославом — взбирался на один из кряжей у Кетмани.

Старший гмур грозно уставился на Светя, но юноша, спокойно и неторопливо рассмотрев всех, не заметил в его глазах злобы и холода. Казалось, чрезмерно насупленными бровями и натужно поджатой губой тот пытался смутить чужака. Рядом с троном старшего, золотым, в синих, рудых, больших зелёных и тёмно-бурых камнях, хмурились, пряча лица в курчавые чёрные бороды, восемь гмуров, одетых, как и другие, но с изукрашенным оружием на поясах и с золотыми и серебряными цепями на шеях. Поодаль, ближе к дверям, — ещё десяток с половиной, на вид более юных годами. Светиславу все эти хозяева Подземелья показались одинаковыми и по лицам и по одежде. Отметил он только, что перед ним стоят мужчины, а жен — ни одной. И снова верёвочки на мечях да ещё обилие золота и серебра удивили его. «Прямо

истюканы в Светилище. И стоят, будто деревянные, не шелохнутся. Лишь крайний всё чего-то сопит да подымает плечи. Может, хворает?..»

Сидевший, наконец, заговорил, и некоторые слова его походили на речь людей. Старикам вокруг произнесённое старшим явно понравилось. Затем один из гмуров сделал шаг вперёд и сказал по-человечески:

— Почему ратник из людей — Соколов въехал в предгорье, Землю гмуров?! Не достоин ли он смерти за нарушение древних договоров?!

— Здравствуйте, — ответил юноша. — Родовой охранитель Мышь с вами, а богов ваших не ведаю. Я Светислав, сын Годослава, из рода Любомирова, племени Соколов.

Он замолчал и глянул в глаза старшего выжидательно. Ему показалось, что поджатая губа того изменилась в малозаметную улыбку ещё до того, как переложитель объяснил слова человека. Гмуры переглянулись. Головы их покрутились на невидимых шеях, как у совы, упустившей шуструю добычу, и поворотились к сидящему.

— Здравствуй, Светислав! — сказал тот через переложителя.

Пусть родовая птица Сокол и Белые боги с горы Алатырь будут с тобой, как и наша общая Мать Земля. А гмурьих богов никто не ведаёт и не будет ведать никогда, как и нашей жизни, пещер, выходов в Подлунный мир. Так было, есть и будет. Пока мы неведомы, мы можем оставаться в спокойствии. Отвечай же на наш вопрос мне, Правителю Северных гор Вербору и этим уважаемым гмурам.

— Люди мыслят иначе: скрывать нужно лишь от врагов да ещё постыдное. Ваш труд пробивания множества ходов, ваши победы над злобными асилками в великой войне вызывают уважение. Это — не стыдное. Но вы живёте по своим законам. Позвольте же и мне жить по своим: не может вольный говорить по-доброму со спутанным. Развяжите мои руки.

Вновь слова Светислава, сказанные переложителем по-гмурь, вызвали удивление его пленителей. За спиной, в дверях, заговорили громким шёпотом, старшие гмуры, как видно, стали давать советы Правителю. Он же, к удивлению юноши, смотрел на него совсем уже весело.

Наконец, Соколу объявили:

— Мы развяжем тебе руки.

Но едва ратники ступили к нему, Светислав дёрнул последнюю верёвку и избавился от пут сам. Вдох удивления заглушил шум воды, а ратники даже наставили на него копья. Светь же, не давая никому опомниться, потребовал вернуть если не меч, то хотя бы перевязь буяра и соколиные перья. «Я вижу знаки на ваших грудях, уважаемые старики, — пояснил он, — позвольте же и мне отвечать перед вами в том виде, в каком я — часть своего рода».

И вновь гмуры уступили. И уже в третий раз был задан тот же вопрос, почему он оказался у гор. Но и в третий раз они спрашивали тщетно.

— При пленении я был не один. Что с моими верными конём и псом? Я не могу спокойно говорить с вами, опасаясь, что предал друзей.

После этих слов всякая торжественность была нарушена. Гмуры, заговорив в голос, раздражённо спорили. Правитель внимал то одному, то другому. Их дети решились даже выступить за двери и показывали на человека руками. Но Светислав был занят иным: в покой, в котором проходил Совет, вошла девица, одетая в светло-серые меха, с волосами в длинной, чёрной, как темень пещерная, косе, которая при ходьбе вся играла переливами света, будто прыгающая из воды в солнечный день рыба: камения разных цветов украшали волосы, одежду и маленькую кожаную обувь её, гребень на затылке, ушники, зарукавье, бусы. Лицо девушки, хотя и походило, как у всех гмуров, на лица кукол, каких лепила из глины маленькая дочь Яра Воислава, но не слишком отличалось от людских и показалось Светю приглядным, живым и норовистым. Она приблизилась к самому Вербору и переговаривалась с ним, явно прячась от

ушей воинственных стариков — бородачей. При этом глаза её в упор пронизывали чужака, будто чёрные, но ещё горячие угольки падали в голубизну воды и, шипя, затухали.

Сокол ожидал в спокойствии, не полагая угрозу смертью явной: не бывало ещё, чтобы гмуры нападали на людей и убивали. Хотя наступление с Севера чёрных богов многое уже изменило в привычном мире. Дыхание Холода могло пробраться и в эти подземные селения. Вот и та девушка, вошедшая на Совет, что за вести принесла она?

...Спустя долгое время маленький народ стих, и переложитель произнёс, выслушав слова Правителя:

— Нам известно восприятие людьми многих из зверья как братьев и помощников. Конь и пёс твои невредимы и ходят по взгорьям, держась вместе. Но если ты и на этот раз не ответишь на наш вопрос, то поведение твоё будет принято как спесивое и злобное.

— Удивлён я твоими словами, Правитель гмуров, — сказал Светислав. — Разве есть злоба в моих просьбах убрать путы, больно стянувшие руки, да вернуть знаки пограничной берёжи, ибо в них я три года защищаю свою Землю от асилков, наших и ваших врагов?.. Разве есть злоба в том, что я озаботился о тех, кто мне как родные и с кем я прошлым годом ходил в Лесной поход, когда асилки растерзали дитя из Любомирова рода?.. Удивлён я и вашим вопросом. Земля Каменного взгорья уже день Сварога, семь десятков лет, принадлежит племени Соколов, и никогда гмуры не покушались на неё... Возможно, род Вышемира и позволил вам копать ямы там. Этого не знаю, ибо четыре Луны находился у границы. Но не мог Вышемир отдать вам эти Земли по своему изволению... У нас такое решает только Вещенье племени. Не случалось ещё ни здесь на Равнине, ни в нашей жизни на Островах, чтобы старший рода преступал Закон Праведи: «Следовать правлению Вещенья племён, которое выбирает родичей один раз в год в день Дажьбога»... Меня пленили в моей Земле и перенесли из моего мира против воли. Я не проникал в пещеры гмуров и не тревожил вашей жизни.

Теперь Совет, выслушав Сокола, объяснялся меж собой ещё дольше, но по — иному: всё чаще говорил Вербор и всё более старики склонялись перед ним и умолкали. Прочий народ ещё теснился в дверях, но любопытства и удивления поубавилось.

Светь, томясь, разглядывал стену позади Правителя Подземелья. Вся она была выложена в причудливом узоре цветными камешками и походила на вышивки крашеными нитками, какие делают люди по одежде. Длинные белые полосы сходились, бежали рядом, иные вдруг ответвлялись в сторону и обрывались... В середине «клубка» рядами стояли зелёные камешки, несколько красных и один большой синий, как на нагрудной цепи Правителя. Белое сходилась к синему с четырёх сторон. Светислав вспомнил другие камешки — озёрные, которые расставляли они с Гостомыслом на его острове. «Почему вот ту белую протянули дальше других и бросили?».

Домыслить ему помешали. По голосу переложителя слов Вербора стало ясно: следует приговор Совета.

«Человек, проводящий свои дни не в играх, а в схватках с погаными асилками, достоин уважения, хотя и в юных летах... Мы не станем лукавить: уже десяток и два года, как возведены были городьбы людей, и с тех пор наш народ не испытывает нападений из Леса... Мы, Правитель Северных гор и старшие гмуры признаём малость взаимных обид (Светь удивился: они прощали себя) и забываем те ранения, которые юный ратник людей нанёс двоим из нас (Светислав опять пришёл в изумление: ему нанесли рану ударом по голове, а не он), ибо в ратном деле победа за быстрым и умелым...»

Речь текла и становилась всё более примиряющей, однако Сокол не мог стерпеть неправды и готовился спорить. Но вдруг его приковали к себе глаза Вербора. Они словно заглядывали внутрь юноши и желали передать что-то важное и не вслух. Великий язык взглядов не требует говорения на одном языке слов. «Верно, Правитель хочет внушить, что мои возраже-

ния не нужны... Что же, пусть потешатся своей мнимой правотой... Да и от подарка, который предлагают, не буду отказываться: нельзя отвергать знак примирения».

На него смотрели с ожиданием. Двое из ближних стариков — всё так же недружелюбно. Вокруг смолкло.

— Да будет мир меж нашими народами, как и было во все года Сварога! — громко сказал Светислав и принял протянутый меч.

Это была не медь, а крушец твёрдый и сильно заострённый, людям неведомый.

— Добрый подарок! — продолжил юноша. — Но ратнику требуется сила оружия, а не разукрашенность. Золото и всякие самоцветные камни, какие, говорят, прорастают глубоко в горах, как трава и деревья на Земле, в нашем народе подносятся только Белым богам. Люди же обходятся простым. Вернувшись домой, я должен буду отнести этот красивый меч в Святилище, к Перуну, покровителю берёжи и богу всех воинов.

Один из Совета старших гмуров, едва уяснил слова человека, снял вместе с обязью свой меч и сам вручил Соколу. Это оружие оказалось чуть покороче, сделано было грубее, но надёжно. Светь одел его через плечо и протянул гмуру соколиное перо из своей перевязи. Тот растерялся, глянул на Вербора и, получив одобрение, принял знак дружбы.

Совет был благополучно окончен, и гмуры начали покидать помещение. Как будто снова зажурчала вода в источниках, заглушаемая до того громкими разговорами. А Светислав, облегчённо вздохнувший, словно выплыл из быстротекущей реки, и получивший назад лук, туло, цеп и нож, вдруг услышал совсем рядом сказанное на человеческом языке:

— Я сам выведу тебя в свет, сын Годослава. Но до того угощу как гостя, чтобы вернуть силы для неблизкого пути.

Вербор стоял рядом и, глядя снизу вверх, устало улыбался.

— Иди за мной.

Вскоре Светислав оказался в маленькой горнице за круглым деревянным столом с резными ножками, а жена главного гмура вносила чаши и горшки с едой. Низость потолка ощущалась даже на скамье. Во всех углах, почти у пола, стояли светцы, и от них тянуло терпким запахом. «Чёрный огонь, не дерево горит, не жир, а подземная Виева кровь», — заметил юноша.

Но теперь эти маленькие неприятности не заботили. Хорошо освещённые стены в расшитых цветными нитями холстах, таких земных; привычная, из верхнего мира пища вроде вареной рыбы, овсяников, грибов, мёда, паренки; какая-то особенная свежесть после умывания в почитаемом гмурами роднике и осознание, что ты хотя и не среди друзей, но не врагов точно — всё это забавляло и вновь возвращало к мыслям о семье и родном жилище, тем более, что ночь, как оказалось, вступила лишь в первую пору.

Вошёл Вербор и, поймав взгляд Светислава, спросил:

— Интересуешься вышивками на холстах?.. Ты ведь смекнул о том, что выложено цветными камнями в Большом зале над троном Правителя?

— Ваше Подземелье. Белым — пещеры...

— Камнем Водогором. Зелёно-ярким, как глаз змеи-байвузы, Весегором — семейные покои. Кроваво-рдяным, как разгорающийся огонь, Палогором — наши плавильни. А синим, цвета горного озера на закате Солнца Безегором — то место, где... — он замолчал на миг... — где человеческий юноша впервые увидел старших гмуров Севера, а многие из гмуров впервые увидели человека, как сказала моя дочь, отважного, разумного и красивого... Но там всего четыре камня. А Китоврас, наш божественный покровитель, поселил в этих горах пять десятков самоцветов. Гляди!

Вербор снял свой меч с ножнами, на которых камни словно приросли один к другому, так что сам металл — а это было золото — просматривался только на ободке.

— Этот, цвета глины, какой она бывает у выходов из пещер в подлунный мир, когда дотронешься рукой, потом засохнет, и вдруг поднесёшь ладонь к глазам при слабом ночном свете, — этот редкий Невегор. В Северных горах таких камней всего три. Дальше — нежно-голубой, будто на тебя кто-то смотрит из воды, неясный, скрытый, — Сабдарагор. Он один на севере. Старики говорят, что среди наших южных племён есть ещё такие же, но никто не видел.

— Правитель, — изумился Светислав. — Ты рассказываешь о простых камешках, как о живых существах! У нас так величественно поют старинные повести о богах, Ирии...

— Приглядность и чудесное, юноша, не только под Солнцем. Если ты слит с природой, как сливается с другими капелька, падающая в родник, тогда красота будет для тебя во всём, тогда ты часть её, тогда очищается твоя душа и ты внимаешь не только ночным шорохам, плеску рыбы, ласкательству ветерка Ночника, но и незримому полёту духов и даже богов. Я знаю ваш Закон Праведи: одни идут в Ирий путём землепашца, другие — путём ратника, вещуны — путём мудрости. Но есть ещё один путь — в себя, в красоту своей души. И тогда можно увидеть Ирий ещё при этой жизни. Правильно — следовать Закону, но лучше быть частью всеобщего Закона.

— Я уже слышал подобное. «Быть частью природы...»

— Ты говорил с человеком, который многое понял. Наверно, он старый и мудрый...

Светь улыбнулся: Радислава-то старая?

— Иной думает, — продолжал Вербор, — что надо идти вперёд, и это есть жизнь, а иной думает: надо остановиться и раствориться. Для нас, как и для людей, бог Род — творец мира. Но если мир вышел из Рода, он и вернётся в него в конце времён... Не бойся уходить с Севера, Сокол, если так решат ваши старшие: твой мир души всегда с тобою. Вы уже уходили. И вернулись. По человеческому исчислению это произошло десяток и семь тысяч лет назад и девять тысяч. По-нашему — другие числа.

— Мы помним те времена, Правитель... А что же здесь, на холстах?

— Да, я отвлёкся. Это обозначения других селений нашего народа. Они живут южнее.

— Вижу, что по длине пещер и числу покоев те племена больше. Если Холод придёт и погубит эти Земли, вы переселитесь к своим братьям?

— Нет. Здесь, в горах, внешнее ощущается меньше. Даже Всесветное половодье не смыло Пояс Рода. Возможно, мы лишимся плодов Земли, но не рыбы и мяса. Ваш народ на Островах не ел мяса, ибо плоды были в изобилии. Теперь же яблоки мельчают каждое лето, а иные плодовые деревья исчезли вовсе. И вы, потомки тех, аркаидов, уже едите то, что не от Земли.

— Скажи, Правитель, что за длинная пещера уходит на тех ваших наметках на стене в самое Каменное взгорье?

Светиславу показалось, что Вербор вздрогнул.

— Нет, юноша, она не такая длинная: лишь до края горы. Мы не нарушаем границ с вами даже под Землёй... Угощайся же.

И он сел и взялся за ложку. Но не деревянную, как у Соколов и иных людей Равнины, а серебряную.

— А что же твоя семья?

— Жёнам и детям не следует восседать за столом, когда разговаривают мужчины, — строго ответил Вербор и, заметив удивление на лице Светислава, пояснил. — Мне известно, что у людей для мужчин и женщин во всём одинаковость. У нас не так...

Его речь немного ожесточилась, и Светь не стал более спрашивать. Однако Правитель гмуrows вскоре сам вернулся к тому же и продолжил мягче:

— Не суди чужие обычаи. Знаю также, что люди упрекают нас за рытьё Матери Земли и даже путают нас с виевичами. Чёрный бог подземного мира, верно, где-то глубже, но не в горах, нашем жилище, ибо горы не под Землёю, а над нею. Хотя старые гмуры и рассказывают иной раз повести о встречах в дальних закоулках пещер, на берегах подземных озёр и рек с

теми, кого вы зовёте навиями, мёртвыми. Да, в горах не только хорошие духи. И если где-то нас «не пускают», мы перестаём рыть и заваливаем ход... Но ты не прикасаешься к еде, сын Годослава. Прошу же...

— Правитель, разве тебе неизвестен обычай людей не застольничать ночью после захода Солнца, равно как и не начинать новых дел, пока Землю не осветит лучедаритель Хорс?.. Ты так много о нас знаешь... Теперь же я могу только пить да вкушать плоды растений.

— Такое о людях мне было неизвестно. Тогда налей мёда из того ковша. Он собран в горах, где много руды Аходона. Ты почувствуешь пахучесть растущих высоко над Равниной цветов, и твоё крепкое тело обретёт неукротимую силу... Я пробовал ваше чудодейственное питьё — квас. Жаль, нам невозможно его сотворить в своих Подземельях.

Светислав взял в руки резной золотой ковш и загляделся на рисунок какого-то ловкого кузнеца, который где-нибудь в двух сотнях саженей отсюда стоял в этот миг у ослепительного огня и готовился бросить на наковальню кусок крушеца, чтобы изготовить острый меч, наконецник копья или твёрдое зубило для дробления камня и пробивания всё новых и новых пещер.

— Скажи, Правитель, а ведь Каменное взгорье — гиблое место?.. Иных из нас сильно пугают неведомые круглые огни, которые выпрыгивают прямо из Земли. Они то плывут, будто по воде, то замирают невысоко.

Вербор насытился и налил себе чего-то в большой, изукрашенный Весегорами туесок.

— Гиблое, да. И нам известны те огни. Знаем лишь, что надо избегать их и что пропадают они, вспыхнув, подобно молниям в грозовой день. У нас им другое название: комок огня.

— Комок огня, — повторил Светислав. — Как на этом ковше, только на нём жар плавления. Верно, многие у вас плавят медь и тот крепкий металл, из которого выкован мой новый меч?

— Ты молод и много расспрашиваешь... Хотя редкий из твоего народа попадает внутрь гор...

Светь удивился: редкий, значит, не только он. До сих пор гмуры твердили о необычности его вторжения. И то сказать: Вербор ясно изъясняется по-человечески, знает не только о людях, но и о нынешней их жизни. Откуда, если не выходишь в Подсолнечный мир и не говоришь с людьми?.. Может, они с Вышемиром друзья? Тогда верно, что родич ближнего к Поясу Рода селения Соколов желает отдать гмурам Каменное взгорье и станет просить о том на Вещенье племён...

Он стряхнул задумчивость.

— ... а меч, нами подаренный, будет тебе как знак от гмуров. Лишь боги ведают твою участь: может, пригодится... Думаю, ответить на всё, что желает пытливый гость, мне не хватит и ночи, а уж Луна перешла во вторую её пору. Я скажу самое важное. А ты запоминай.

Много лет и Солнечных ночей назад, когда юноша Светислав и не помышлял о пути ратника, а среди людей ратников почти не было, ибо злобные асилки довольствовались приношениями и не склонялись ещё к губительству; когда в приграничье, у Леса, не стояли ещё городьбы с храбрыми и опытными бережами с быстрыми стрелами, острыми мечами и послушными лошадьми, тогда в месяц шагл, в первую Луну, в её прибыль, в скрытом месте из Горы вышла дружина гмуров — рудокопы и ратники для их охраны. Вскоре у скалы Рашбора они наткнулись на одинокого человека, хотя и хорошо вооружённого, но не знающего том, что собаки людей не чувствуют гмуров, которым нет равных в бесшумном движении и скрытности. Гмуры не терпят чужаков в горах, не раз поражали у своих маленьких полей в горных долинах злых асилков, и потому вмиг скрутили человеку руки и ноги, положили у его костра, прогнали прочь испуганного пса и разделились: большинство пошло по своему делу, а трое вернулись, чтобы спросить совета у Правителя. Они проходили всю полночь, а человек не смирился, перетёр верёвки на руках, как недавно ты, и стал вольным. Но он не бежал пугливо на свою Равнину, а вновь сел у костра, не притронувшись к оружию, которое гмуры оставили

рядом. Те немало удивились, застав его так, и даже пожелали убить. Но юный сын Правителя объявил, что берёт на себя новое решение и готов отвечать за него перед старшими и всем народом. Он позволил человеку уйти. Но тот снова удивил гмурав: он сказал, что ищет для своего народа особый крушец, ибо медь, по-гмуравы, верзен, уступает ему в крепости. Человек говорил о горморуне, из которого выкован и твой новый меч, Светислав.

— Правитель, человек не мог вступить в разговор, не назвав себя. Мы не нарушаем обычаев. Если он пришёл с нашей стороны Пояса Рода. Но и те, что живут на Западе, у Леса Бармы, чтут Закон Праведи.

— Нет, он был из Соколов. И он назвал себя сразу. Он назвал себя... — Вербор пристально посмотрел на юношу, — Годославом, сыном Будислава.

— Отец!.. Боги привели меня к гмураву, который знал моего отца!.. И потому ты выступил за меня на вашем Совете?

— Тогда я был сыном Правителя... А в эту ночь я не сразу узнал тебя, сын отважного и мудрого Года. Моя своевольная дочь Шлевала изрядно позабавила меня, когда вступила в Главный покой и быстро зашептала, что по всем приметам мы пленили сына того, кто спас её отца и о ком он часто рассказывал своим родным. Приметами были светлые русые волосы, статность и голубые, как горное озеро, глаза. Забавно, она не знала до сих пор что каждый из людей — в полсажени и локоть ростом, светловолос и голубоглаз... У вас с Годославом один голос. Я признал тебя именно так. А признав, не мог допустить какой-нибудь обиды тебе. Обещание Вышемира (при этих словах Светь наострил слух) без решения вашего Вещенья не даёт нам возможности входить в Каменное взгорье. Но старики упорствовали, и три дня назад мы послали рудокопов. Я же не стал препираться, зная, что даже ваша приграничная бережа опасается комков огня, и сторонится того места... Я не скажу тебе, чего желает Вышеслав от гмурав за Взгорье: то дело ваших старших — родичей и скоро узнаешь сам. Мы же ищем там ахидон, ибо запас его в горных рудоконьях истощился.

— Те рудокопы действовали как самые ловкие ратники и были при оружии.

— Меч вне пещер для гмура обязателен, и, поверь, скрытностью обладает любой из нас, даже дитя. Вы долго учитесь тому, что даётся нам богами, едва родимся. К тому же ты ратился как-то необычно. Те, кто пленили тебя, рассказали, что после удара по голове, в беспамятстве и с закрытыми глазами ты отбивался необычайно яростно и резво.. А далее истощился разом, как опрокинутая крынка. Что это?

— Это буза, которую выдумал мой дядя Яр, старший над берёжей.

— Яр — значит, Ярослав... — задумчиво повторил Вербор. — Но я не закончил. Потоплюсь, тебе пора покидать наше Подземелье... Годослав искал горморун, и мы не препятствовали и не помогали. Я встречался с ним ещё три раза и в последний — ближе к Лесу, у реки...

— Омогдань.

— Да, по-вашему, Омогдань, где он погиб, спасая меня.

— Как?!

— Никто из людей этого не видел. И как сын ты первый узнаешь, что твой отец не желал разделять правнуков Рода на человека и гмура. Я и два моих друга ушли далеко от Горы: была необходимость. К тому времени асилки больше года не приходили к нам, и мы почти не острожничали. Их появилось пятеро. При свете едва взошедшей Луны они казались скратугами, чудищами. Напали сразу и вместе, нисколько не пугаясь наших коротких мечей. А луки, как вы, мы не делаем и зверьё ловим путами или бьём копьями, подобравшись в безлунные вплотную. Теперь же зверьём оказались мы. Один мой друг пал сразу, другому вывернули правую руку и ударили оземь, и он едва ратился. Тёмно-коричневый, как камень Невегор, ростом в целую сажень, с одним глазом едва не посреди лба, асилк ринулся на меня с деревом в лапах, и я ощутил себя муравьём, которого вот-вот раздавят.

— Одноглазый? Яр убил его через год у самого нашего селения. Он разодрал корову и её телёнка.

— А тогда он сумел скрыться в Лес. Годослав будто прилетел на ветре Полночнике, ибо мы не слышали до того его шагов и дыхания. Он вонзил меч в одного асилка и сломал. Затем, как молния, мелькнул в сумраке ночи и воткнул свой нож прямо в глаз другому. Тут я получил удар от великана и плохо видел дальнейшую схватку. Годослав с пустыми руками бросался на «моего» и ещё одного скратуга, они ловили его, но были неповоротливы и получали удар за ударом. Это тоже буза, Светислав?

— Буза — особенное состояние. А то было перуново ратоборство. Оно пришло с нами ещё с Островов. Хотя врагов там мы не имели, но Сыны Богов научили наших предков ратиться безоружно.

— О Сынах Богов мне неизвестно, но я не поверил бы прежде, что можно схватиться с двумя чудищами и одолевать их. Твоего отца ударил камнем третий, который отшвырнул моего друга и бросился на выручку тем двоим. Я впал в беспамятство ранее и не видел сам. Гомбор оттянул меня к реке, и погода мы вернулись, чтобы забрать своего погибшего. Два мёртвых асилка и твой отец, уже без дыхания, с разбитыми головой и грудью, лежали на том лугу. Одноглазый и другие злыдни бросили своих. Я полагаю, они не добились нас с Гомбором, потому как всю ярость обратили на Годослава, а он нанёс им немало увечий. Так он спас меня. А я ничего не мог дать ему взамен. Мы прошли, протоптав тропу, до ближнего селения людей и бросили там нож Годослава. Я знаю, его быстро нашли.

— Вот оно разрешение загадок! Потерянный нож и тропа, по которой, явно, прошёл не один! — Светь не удержался от громких возгласов. — Многие из нас решили, что мой отец скрытно шёл от селения за асилками, и далее они его учуяли и напали.

— Теперь ты знаешь, что было по-другому. И всё в мире ходит по кругу. Вы меряете время Колом, кругом Сварога, покидаете Север в Холод и возвращаетесь вновь, а сегодня я счастлив, ибо могу, хоть немного, отплатить добром сыну моего спасителя. Гомбор же подарил тебе свой меч. Тот самый Гомбор. Он тоже помнит Годослава. Мы помогаем вам, как вы — нам против погани из Леса. Много раз гмуры успевали предупредить вашу берёжу в городьбах о крадущихся к ним ночью асилках, затеяв где-нибудь рядом шум. И вы отбивали нападение.

— Такое бывало, Правитель. И мы радовались их шумливости и неуклюжести.

— Они мстили нам, но городьбы Соколов — это и для гмуров защита. Твой отец не боялся идти в горы, наши владения, и вступился за гмуров у себя на Равнине. Я уверен: он сумел уйти в Ирий двумя путями — ратника и мудреца. Не многим выпадает такое... Когда я догадался, кто передо мной, узнав голос, то решил, что этой ночью, отогнав чёрных богов, захвативших Север, встретились для дружбы Белые боги людей и гмуры боги Подземелья. Верно, теперь, после моих рассказов, ты не будешь вспоминать об этом приключении с недовольством.

— Как можно сожалеть о том, что приобрёл друзей?!

Тут Вербор прервался, ибо кто-то окликнул его от входа в покой. Выслушав того, он встал:

— Что же, нам пора идти. Твой мир ожидает тебя, Светислав, сын Годослава из племени Соколов.

...И вновь бесконечные ходы — высокопотолочные, осветлённые, далее низкие, с неровным полом и неудобные для ходьбы при свете пламени. Впереди шли два ратника, за ними сам Вербор, и последним — Светислав. Луна в ту пору скрылась за тучами, ясочки потускнели, и юноша не сразу ощутил выход из Подземелья.

— Можешь выпрямиться. Расстанемся здесь. И, как говорят люди: боги с нами, свидемся.

Старший гмур вне своего мира, при малом росте и в темени ночи, едва не сливался с камнями, которые скрывали вход в пещеру. Ему что-то шепнули, и он указал рукой:

— Там, на Юго-востоке, на третьем от этого места взгорке, твои конь и пёс. Не попади в наши ямы, одна будет совсем близко, по правую руку.

— Последний вопрос, Правитель...

— Я знаю, о чём ты хочешь спросить. Мне сказали после твоего

пленения, что человек на лошади пристально смотрел на Гору и, верно, замыслил подняться на неё. Они заблуждались: просто для тебя было ново то, что нам известно давно... Да, Светислав, на вершине Кетмани белая сухая вода. Она легла там перед Солнечной ночью в месяц регл, и это случилось впервые за многие и многие годы. Такого не помнят и наши старики. Студа идёт, брат Сокол... Но — боги с нами.

— Боги с нами, Правитель. Свидемся.

...Когда Солнце — Хорс, приближаясь к своей северной Родине, коснулся нежным алым светом небостыка, Светь был в двух верстах от селения Любомира. Ему не дремалось, хотя не раз, доверяясь чуткости Здоровка, юноша спал у него на спине, обняв за шею. И вовсе не потому не дремалось, что от близкого приграничья веяло опасностью; нет, казалось, в эту ночь, действительно, объединились силы богов Равнины и гор, и духи тьмы пугливо укрылись в сень деревьев, под скаты берегов, в густоту трав. Бодрили ратника мысли и множество всего пережитого за день и ночь. Лишь несколько Лун назад достиг он возрастом права оставить берёжу и, выбрав себе жену, исполнить один из Законов Праведи — «ожениться и один раз, иметь много детей и не отступаться от них». Но вот он выполняет непонятное поручение одинокого вещуна, из-за чего — один из всего своего племени — попадает внутрь Матери Сырой Земли, в селение неведомого ему прежде народа гмунов. Народа, который и под Землёй и по ней вдруг упорно устремляется в ненужное до того всем Взгорье. Чем влечёт оно двух мудрецов — Гостомысла и Вербора?

Однако на этот раз новая тайна, едва возникнув, открыла ему другую, важней которой только тайна его собственной судьбы, будущего. Теперь он узнал всё о гибели отца и словно впервые понял родного человека, понял, насколько диковинной была жизнь Годослава, Сокола, искавшего новый металл для своего племени и погибшего за чужих. И вот спустя годы и годы отец защитил сына, хотя и не от врагов, но от опасности.

С такими размышлениями юноша приблизился к своему селению. С новыми чувствами он въезжал в него. Пору назад он вышел из-под Земли в мир — словно второй раз родился. Вышел умудрённым опытом и знаниями. Вышел для новой жизни. Потому-то ему теперь казалось, что кто-то высокорослый и неведомый стоит у крайнего жилища и примеряется, готов ли этот человек к большему, чем просто следование своему пути? Ибо бывает так, что наступают времена, когда в душе должны пробудиться неведомые силы и неизмеримая отвага. Искры Великого предназначения попадают в душу всякого при появлении на свет, но не во всякой душе они разгораются настолько, что могут осветить путь целого народа.

Повесть 3. Возвращение Дажьбога

У крайних дворов родного селения Любомирова рода сердце в груди у Светислава радостно замерло на миг и — забилося быстрее. Здравовко приободрился, чувствуя скорый отдых, отставший было Холень догнал их и принял резвый вид, чтобы показать прочим псам, что возвращается не с гульбы, а с многих испытаний, в которых был этому видному всаднику верным помощником и другом.

Заря только сменилась утром, и ещё немногие жилища в эту пору отворили свои дымники и пустили к небу бело-серые столбы от печей и огнищ. Но неподалёку, справа, уже подневному бойко гудел рожок пастуха, и Светислав, обернувшись к жёлто-белому кругу над небостыком, подумал: «Вот и последнее Солнце Времени Купалы и Костромы», после чего въехал в селение.

— Здравствуй, Белые боги и наш славный Сокол с тобой, берёжа! — приветствовали юношу встречные.

Иные, чьи родственники или знакомые были в одной с ним городье, расспрашивали о своих, удивлялись его возвращению раньше срока. Светя изрядно морило от бессонной ночи, но люди так рады были перемолвиться с ним, что приходилось сдерживать стремившегося к стойлу Здравовка. Помимо всего прочего, узнал он, что уже прибыли на общее Вещенье племён родичи (старшие в родах) Кречетов, Уток и Сов и что последние прислали на совет лишь двоих, ибо всё совиное племя высказалось за переселение.

— И то правда — говорили юноше, — что сеяное зерно у них, едва пробилось из Земли, побито Холодом. Пересеивались заново.

— Значит, наши северные братья Совы будут за уход на Юг... — повторял Светь. — Что же скажут другие?

Наконец, он подъехал к воротам жилища своей семьи. Они были распахнуты, и племянник Мечислав, старший сын Яра, входил в них, как видно, отогнав скотину к стаду.

— Светь! — вскричал он с радостью и тут же бросился ласково трепать Холень. — А тятя тебя до ночи ожидал! И бабушка с тётей Гориславой беспокоились!.. Иди, иди, я отведу Здравовка!

Ратник прикрыл ладонью ручку нового меча, чтобы исполнилось обещание, данное Вербору не рассказывать кому-либо о скрытном подземном народе, и пошёл под навесом к двери жилища. Но мать, видно, уже почувствовала возвращение сына. Она устремилась навстречу, лишь ненадолго сдержав себя, пока тот приветствовал старшего в семье, деда Будислава, и выпивал обязательный ковш кваса.

— Сокол-охранитель с тобой, мой соколёнок, — поцеловала Горислава склонившегося сына в кудри, выбившиеся из-под буяровой перевязи. — А Яр вчера сказал, чтоб ожидали тебя к ночи. Не приключилось ли чего?

— Ничего опасного, мама. Здорова ли, без печалей?

— У нас всё хорошо. От Кречетов прибыли на Вещенье родичи, а с ними ратники, среди которых и Тереслав, муж твоей сестры. Ей в месяц травень рожать. Будут боги милостивы — поедом на наречение дитя.

Яр уже шёл со стороны живни навстречу племяннику. И Горислава отпустила Светя. Он сунул руку в сапог за Гостомысловой берёстой для дяди и, осторожно вынимая её, вспомнил наказ старика бережно хранить эту надпись, свои опасения, что гмуры отберут её, и — с особенным чувством — прощальные Радиславовы слова: «Помни, твоё поручение и мне нужно».

— Здравствуй. Белые боги и Сокол с тобой, Ярослав.

— Здравствуй и ты. Белые боги с тобой. Храни тебя наша родовая птица.

— В городье всё по заведённому порядку. За себя по твоему велению оставил Сурислава. Асилков не видели уже одну луну и три дни... А это — от твоего знакомя-Лебеда.

— Добре, — Яр взял послание. — Вижу, ночные духи не пугают тебя. Или остров вещуна настолько приглянулся, что покинул лишь вечером?

— Гостомысл задержался: искал травы в лесочках. А духи тьмы в наших Землях уже привыкли к берёже — и пешей, и конной.

— Так это старик подарил тебе лебединое перо? — улыбнулся Ярослав, глядя на перевязь племянника. — Ты скоро увидишь своего нового друга. А теперь спи. Мне о многом надо поговорить с тобой ещё до праздника.

Светь уходил в свою спаленку смущённым. Когда внучка вещуна в Триозёрье успела втиснуть ему под перевязь буяра посреди соколиных перьев одно лебединое? И что это значило? Перьями родовых птиц обменивались меж собой юноши, чтобы считаться друзьями, девушки — чтобы считаться подругами. А Радислава?.. В их возрасте впору вручать метки Лады, а не предлагать дружбу... И завсегда Яр, как самый наблюдательный из Соколов, всё увидит, что другим недоступно. И ведь гмурый меч увидит. Неправду не скажешь, и чужую тайну нельзя выдать... Да — а, а ведь Светислав-то сам думал смутить дядю: ни о знакомстве с Гостомыслом никогда не рассказывал, ни о его пригожей внучке, ни об их со стариком тайных делах в Каменном взгорье... Но всё это после сна. Постель матерью была приготовлена, и, обмыв с себя следы ночи, ратник лёг отдыхать.

Не догадывался Светь, что задал он своему дяде не меньше загадок. Хотя не были они один — умудрённым жизнью, уважаемым всеми за охрану границ с Лесом, мудрым и опытным дядей, а другой — юным, неразумным ещё племянником. С самых тех пор, когда объявил Светислав непреклонно, что избирает путь ратника, а может, ещё и ранее, когда погиб Годослав в схватке с асилками, Яр и Светь не замечая разницы в возрасте в десятков и восемь лет стали как родные братья, только один — старший, с мудростью и сдержанностью, а другой — меньший, с горячностью и напором. Светислав быстро стал лучшим в придуманной дядей Дружине буяров, а стрельбе из лука, особенно на скаку, конной езде, знанию языка лесного, лугового — он более дяди наставлял своих одноклассников из соколиных родов. По предложению Светислава уже через год обучения буяры начинали помогать взрослым ратникам в охране приграничья. Не желая слушать упреки за чью-то гибель, Яр самое трудное отводил себе и племяннику. Вдвоём они первыми из людей въехали в лютый, зловещный Лес, вместе разведывали в нём жизнь асилков, учились понимать её, чтобы прекратить прежнюю безнаказанность, когда косматые чудовища, задрав домашнюю скотину, спокойно скрывались под сенью дубов, ясеней и лип. Яр и Светь достигали врага и в двух, и в пяти верстах в глубь Леса. Достигали и мстили за каждое расхищение.

Светислав с подростком во всём тянулся за дядей. Лишённый отца, он отвечал Яру за заботу любовью и уважением. А когда родичи семи соколиных селений — те самые, что согласились с Яром о возведении у Леса укреплений с постоянной берёжей, а потом и с обучением буяров для постоянной смены берёжи — когда те самые родичи стали твердить, что нельзя ратнику становиться выше старших, избранных Вещеньем, что нельзя правление ратное ставить выше правления мирного, тогда Яр, избегая упреков в желании власти, всё больше стал заниматься делами семьи, а четыре городьбы Соколов препоручил самым опытным из юношей под общим присмотром Светислава. И если кто из берёжи говорил иногда с неудовольствием, что рода мало дают им лошадей, или оружия, или еды, Ярослав твёрдо прерывал ратника словами из Закона Праведи: «Следовать правлению Вещенья племени, которое выбирает старших один раз в год в день Дажьбога».

Теперь же Ярослав вмиг уловил обиду племянника, ибо ранее меж ними не было тайн. Как не было ничего скрытого в душе любого человека из племён, переселившихся когда-то

с Островов. Первый из того же Закона закрывал дорогу обману: «Следовать Праведи, убежать от Криведи».

«... С Гостомыслом он меня поймёт, — размышлял Яр. — Поймёт, ибо и среди Лебедей даже мало кто знает о жилище старика. И что тайна Каменного взгорья — не моя, тоже догадается. А чужое выдавать нельзя... Но вот Радя — иное. Понял ли мой догадливый племянник, что... Что?.. Я же намеренно послал его туда. Куда сподручнее было самому отвадить жадных гмуrow от Взгорья. Но если Раде когда и выходить замуж, то средь всех наших семи племён нет более видного и чистого сердцем юноши, чем мой племянник...

...Светь пробудился в подвечер. И едва он пошевелился и шумно вздохнул, радуясь родным запахам и звукам, как в маленькую спальню его семьи, не имевшую двери в общую — родню, где у огня и печи готовили уже праздничную еду, сразу набились все дети, которые давно ждали его пробуждения: девятилетний Притуслав и его меньшой брат Крутислав — дети Яра; Путеслав, одноклассник Крутя, с сестрицей Твердиславой — дети двоюродного брата Милослава. Они суетливо обсели Светя и наперебой делились своими маленькими новостями. Путеслав в этот день впервые увидел чужаков — родичей от племени Сов — и они очень удивили мальчика.

— А ты выстрогаешь мне меч? — попросил он дядю.

— Как меч? — изумился Светислав. — До сих пор просили кукол для вашего игрушечного селения, что построили за баней, а теперь — меч?

— У всех соседских мечи. И у Ростиславовых, наших братьев, тоже...

— А он, Светь, уезжает отсюда, — пожаловалась маленькая Твердя. — Говорит, посядем на лошадей и поедем.

— Куда же?.. И оставишь родителей?

— Нет, не оставлю. И мама, и тятя со мной. И дедуня с бабушкой. Все уедем. На... на Юг, вот.

— Ага, на Юг! — снова возразила его сестра. Много ты знаешь!

— Ещё не решено, — степеннее заметил Прутислав. — Родичи завтра станут обсуждать промеж себя. Опять же богов спрашивать.

— А может и не уедем... — сдался малец. — Светислав выстрогает мне меч, я и прогоню Холод.

Все засмеялись.

— Отважный, отважный!

— Тебе в берёжу к моему тятю!

«Значит, и до детей дошла общая забота, — с печалью подумал Светь. — Вот если тронемся всем народом с заселённых, привычных мест, каково маленьким-то будет в дороге? Да и пробьёмся ли сквозь Лес? Старшим — и просеку рубить, и от асилков оберегать всех, а умелых ратников мало, три сотни не наберётся со всех племён. И сколько там, в глубинах Леса, асилков? Бесчётно. А главное — пустит ли нас Велес в свои владения? Может, там деревья в три объёма и стоят стеною в полусажене одно от другого? Не прорубишься, не проедешь на повозке. Сокол да Лебедь, родовые птицы, под густой листвой нам не защитники...»

— ...С островов ушли, и ничего! — продолжали препираться дети.

Светислав поднялся.

— Меч тебе, Путеслав, сделаю, когда научишься с отцом поле пахать да засеивать. Это важнее. А уходили мы не тогда, когда лучшего искали, а когда худшее терпеть становилось невмоготу.

Он отказался есть, хотя бабушка Градислава, ведавшая и в восемь десятков лет семейной стряпнёй, достала внуку его любимый репник. Выпил только кринку сыты из прошлогоднего дикого мёда.

— Скоро вечернее застольничанье. Потерплю.

— И то добре, — согласились помогавшие старушке дядя Изуслав со своей женой Велиславой. — Застольничать надо с семьёй. Как вы там, в приграничье, небось, всё мясо да мясо? Сами дичаете рядом с асилками?

— Что ты. У нас такая печь, что, когда каша варится, на запах всё лесное зверьё выходит, даже асилки делаются смирными и бредут с пустыми чашами

Веля засмеялась, а Изъ только махнул рукой: ни Яр, ни Светь никогда ещё в семье не рассказывали об опасностях в городьбах. Только старший семьи старый Будислав знал всё, ибо бывал там и потому ратное дело сына и внука, памятуя о гибели Годослава, не одобрял, хотя это занятие способствовало большому уважению к их семье во всём Любомировом селении. «Уважать надо тех, у кого детей много, — ворчал старик, ещё помнивший мирную жизнь на Островах. — А из моих шестерых только двое при мне: дочери другие семьи множат, двое сынов свои жилища построили...» Его не утешало и то, что на Вещенье рода он мог говорить от полутора десятка семей — своей, детей, внуков. А больше было только у самого Любомира, брата Будислава и родича всего селения.

Светю подсказали, что Яр доплёл тоню для рыболовства и отправился к кузнецу Видиславу, а оттуда к родичу, у которого остановились приехавшие утром на Вещенье Журавли. Холень выскочил откуда-то из-под раскрытой для ветра хлебни и, как Светь ни махал на него, чтобы остался, пошел следом, вызывая бранчливое таяканье подзабывших его псов.

Снова улыбки, приветствия и расспросы о своих в городне. Но теперь юноша был рад разговорам: тревога и опасливость, его постоянные спутники, растворились вместе с усталостью. К тому же всякий миг он вспоминал, что ему уже исполнилось два десятка лет и настала пора перехода из состояния юноши в состояние мужчины с правом на свою семью. Казалось, что люди, особенно девушки, глядят на него по-другому. И Светь чувствовал: весь его ратный опыт — малость, пока он не займёт своего места в этом дружном и ладном муравейнике из семи десятков жилищ с двумя тысячами жителей. «Не стать мне „сыном Леса“, как шутит Яр. Быть мне человеком Равнины... А вот любопытно, как посмотрят завтра наши юные Соколы на Радиславу?.. Может, она и старик-вещун уже приехали?.. Нет, наверное, прибудут с родичами племени Лебедей».

...Он отыскал дядю во дворе Любомира. Сам старик, «правитель» селения (это слово юноша впервые услышал от Вербора, ибо люди говорили о главных в семье — старший, а в роде-селении — родич), сам старик куда-то ушёл, а под навесом играли дети да сидели на вынесенных из жилища лавках уже умывшиеся с дороги гости-Журавли.

Ярослав, как видно, переговорил с ними и стоял теперь в воротах с лет сорока, широкогрудым, в новой, ярко расшитой рубахе с солоником поверх неё Журавлём. Ответно приветствовав Светислава и назвавшись, гость прибавил:

— ... Знать, ты тот самый Сокол, гнавший в Лесном походе в одиночку асилков так, что и Дружина не поспевала?.. Вправду поют: «Ратник тот и ловок, и отважен, Над травой летит, из лука бьёт...»

— Кто это поёт? — удивились оба — и дядя, и племянник.

— Певуны наши. Прибавляют к повестям о прошлом, о переселениях. — А что, у вас поют лишь об Островах?

— Жил среди наших предков один родственник, о котором помнят все рода Соколов, — ответил Светь. — Моего деда дед Силослав. Был он саженого роста, а соху сделал почти в полторы сажени. Вот попросит он у Матери Сырой Земли прощения, возьмётся за рогастики и пашет два дня да две ночи беспрерывно.

— Не боялся и дьевичей?

— Люди говорят, от Силослава и пошёл обычай отмахиваться от чёрных духов ночи правой рукой да от левого плеча. И оберёг у него был особенный, несокрушимый, — юноша

вспомнил сотворённый ему Гостомыслом заговор «ото всего худого и злобного». — Вот о чём у нас поют. Я же в походе был дозорным, а бились все пять десятков мужчин и юношей.

Журавль улыбнулся, будто не поверил.

— Вот и будешь дозорить, буяр, если боги велят переселяться на Юг.

...Ярослав предложил переговорить наедине, и они вдвоём мимо жилища Летислава вышли в луга. В полуверсте паслась скотина, там же кто-то возвращался с рыбалки, а в невысокой ещё траве короткими трелями сладкозвучно пересвистывались полужени. Солнце прошло над селением и уже повернуло к вечеру.

— Скоро праздник, — шурясь на светило, сказал Яр. — А завтра наступит новое время — Лады. Нам с тобой выпало жить в переход между месяцами Сварога. А такое бывает один раз в две тысячи лет...

— Две тысяча да ещё сто, да ещё шесть десятков.

— Да. И тебе известно: в такое тревожное время я против того, чтоб начинать новое и большое дело.

— Ты о переселении?

— О нём. Мы с тобой хорошо знаем Лес Велеса и потому понимаем, что можно, уйдя с Равнины, потерять больше, чем приобрести. Асилки люты и многочисленны. А мы слабо вооружены, ратное дело известно лишь берёже... Я давал свой меч этим Журавлям, среди которых половина выступает за переселение. Никто из них не смог перерубить и осиновую ветку.

— Ты ходил к Видиславу...

— Да, с Любомиром говорили мы об оружии. И Видь, если будут у него помощники, может ковать три меча в день. Но тут другая трудность: наши рудокопни истощены, меди мало. Её хватало для мирной жизни, но не для такого ратного похода: всем народом, в десять десятков тысяч, среди которых больше детей и подростков... А с гмурами, как в старину, обмениваться нечем.

— В предгорье есть старые рудокопни, и род Вышемира собирается снова их копать...

— Да, мне известно это. Но, Светь, у нас только по одному кузнецу в каждом селении. Семь селений — семь кузнецов. То же и в других племенах. Лишь у Воронов немногим больше. А такому делу быстро не обучаются...

Они помолчали.

— Завтра — Вещенье, и наши родичи призвали меня, чтобы высказал свои мысли о переселении.

— И ты скажешь против?

— Думаю, об этом меня не станут спрашивать. Только о ратной готовности.

— Но утром Белые боги возвестят в Светилище свою волю, и никто не осмелится слушаться их.

— То на Островах, Светь, Сыны Богов жили среди людей, а в начальные времена, как говорят древние повести, и сами боги сходили с Алатыря к нашим предкам — аркаидам. Теперь же боги не говорят с нами прямо. Они дают лишь советы и не покушаются на волю людей. Так что выбор за нами. Да и кто будет передавать изволение богов? Люди. Хотя и мудрейшие, но верно ли они всё поймут?

— Да, Сварог хранит нас, но почему-то не спускается на небесной повозке и не ведёт в другие блаженные места, где будет много травы для скота и где поля будут кормить нас вдоволь, — Светислав печально вздохнул.

— Теперь у нас некоторые, даже из стариков и старух, говорят, что боги скованы на севере Чёрным Змеем и его сыновьями. Потому нам неоткуда ожидать помощи. Вспомни, сколько раз перед тем как идти в Лес, мы приносили жертвования и Перуну, и Сварогу...

— И они были милостивы к нам.

— А ты не думал, что, если бы твоё ратное обучение было плохим, глаз не зорек, жила на луке не туга, асилки не выпустили бы тебя живым?

— Но, Яр, бывало и так: стрелы, пущенные наугад, попадали. Не отвергай заботу богов. Они вернутся к нам. Если бы их сковали, Смерть-Мара унесла бы все наши племена в одну ночь, и утром Хорсу довелось бы светить в пустые жилища.

— И я так думал, пока не было этой трудности — переселения.

— Так ты за уход на Юг?

— Здесь Холод убьёт нас.

— Вот и скажи это на Вещенье.

— Ты, как и наши родичи, желаешь, чтобы я один держал ответ за всё худое, что будет в походе?

— Разве я о том?

— И они не то думали, призывая меня. Но потом любой из Соколов скажет: родичи ведают пахотой, сеянием, припасами, скотиной, а ты, Ярослав, один ведал о Лесе и его опасностях.

— Прости, я только теперь понял тебя. Ты согласен вести племена на Юг, но не желаешь, чтобы переселение несло гибель людям. И в городьбах, у границы, ты всегда берёг юношей и девушек, особенно подростков-буяров.

— Кроме себя и тебя, Светь... Ибо ты всех превзошёл в ратном обучении и можешь уцелеть там, где другому не по силам.

— Я и теперь готов идти впереди. Только дай мне побольше стрел.

Яр улыбнулся и положил Светиславу руку на плечо.

— Это я и желал услышать!.. Ибо в таком трудном деле — походе на Юг — мне нужна сильная и верная опора. Но чтобы уверенно идти, надо хорошо подготовиться. Слушай же дальше. Твой новый знакомец Лебедь Гостомысл много раз проникал мыслью сквозь владения Велеса. Туда, на Юг, по эту сторону Пояса Рода сутки Сварога назад ушли с Островов племена наших братьев: Бобры, Выдры, Олени, Лоси...

— И что? — Светь, хотя и сидел рядом с дядей, но весь подался к нему.

— Ничего не получалось. Ты знаешь, как наши вещуны умеют переговариваться один с другим через многие вёрсты. Но Лес — будто стена для мыслей Лебеда... Однако он может по-другому узнать о тех людях.

— Как же?

— Поначалу он приедет сюда и введёт в Навь одного из вещунов, чтобы тот услышал изволение богов.

— А что же не сам?

— Себе труднее. И разум его заполнен мыслями о переселении ещё более моего... И вот, выслушав богов, он попытается исполнить другой свой замысел, о котором я тебе умолчу. Будет ему удача — мы узнаем о том, куда идти, ещё до начала пути... Теперь о Вышемире.

Светь вздрогнул: вспомнилось ночное приключение.

— Может, тебе известно, — Яр пытливо посмотрел на племянника, — что с Вышемиром неожиданно встретились гмуры, которые обитают в пещерах под Кетманью и Березанью. Они готовы дать металл и оружие в обмен на Каменное взгорье. Вышемир выступает за переселенье, и он просил гмуров разрешения пройти на Юг по предгорью, вдоль Пояса Рода.

— Не по Лесу?! — изумился Светимир.

— Понимаешь, сколь много сторонников он приобретёт, когда родичи племён узнают, что можно идти не по лютой и губительной Земле Велеса, а по редколесью, где всегда можно закрыть спину скалами и укрепиться от асилков на ночь?

— Но для чего гмурам Взгорье?

— Верно, нашли там что-то важное. Не древние же Камни им понадобились...

— Что же? Меди там нет.

— Однако они в нетерпении. Да и Вышемир тоже. Ожидают решения Вещенья. И родичи, я думаю, отдадут то гиблое место маленьким рудокопам.

Светь вспомнил ямы в Каменном взгорье, кули с травами, настойчивые наказы Госто-мысла и, хотя после слов Яра, появилось много новых мыслей, всё же смекнул: дядя знает, что именно разыскивают гмуры. Знает, но это непригодно людям, потому он так спокоен и даже, как видно, рад замыслу старого Вышемира. «Весегор... Палагор...» — вспомнилось ему. — Может, гмуры наткнулись в той длинной пещере, уходящей к холмам, на свои любимые камни?»

— ... и без тебя мне не обучить стольких ратников, — продолжал Ярослав. — Если не надумаешь жениться этой весной. Тебе ведь уже два десятка лет...

— Я же сказал: готов идти с тобой в поход и впереди.

— Значит, нашему кузнецу пока не готовить для тебя метку Лады?

— Успеет ещё. Дело недолгое... — Светиславу показалось, что за насмешливыми словами дяди промелькнула скрытая радость. «Верно, доволен, что я остаюсь ему помощником», — решил он.

— Но почему ты говоришь только об обучении и подготовке юношей и девушек из Соколов?

— Думаю, сначала надо идти только одному племени. Как разведчику. Другие дадут нам припасы в дорогу, а сами уберут наши поля. И если поход удастся, к концу лета тронутся и они. Мы же укрепимся на новом месте. Никто не ведаёт, какие народы заселяют Юг и есть ли там вольные места... Гляди, Светь, люди уже идут к Святилищу. Нам пора. Чистую рубашку приготовил?

— Мать давно приготовила.

— Тогда умываемся и — на праздник. Наступают великая ночь и великое утро!

— Да, узнаем наконец, с нами ли боги, не погибли в битве с Холодом.

...Весь род Любомиров — от стариков до грудных детей на руках — и гости собрались за селением, у холма, на котором возвышалось Святилище Белых богов. Им было высокое, в две сажени, строение на четырёх столбах, покрытых резьбой и обивкой из меди, серебра и золота. От столба до столба висели широкие холстины, расшитые изнутри цветными нитками — вся прошлая жизнь народа хранилась на этих вышивках: приход богов на Землю и рождение Сварожичей, переселение на Юг и возвращение на Север, прибытие на Острова Детей Богов и война за чудесную Мельню, победа Белых богов под началом Каляды над чёрным войском Змея четыре месяца Сварога назад и подарение людям Севера тем же Колядой Великой Книги Всеведенья. Две большие доски той книги с божественными надписями сохранялись внутри Святилища у истюкана самого Рода. Ещё пять сберегались у других племён, на Западе, остальные погибли во Всемирное половодье. Однако вещунам известна была вся Книга слово в слово, а любому человеку — главное в ней, Закон Праведи. Середину Святилища занимала золотая, цвета Солнца, крада для жертвований, а в ней постоянно горел жир, который добывали из морского зверя. Ради этого два-три раза в год десяток Соколов, самых умелых охотников, отправлялся по реке Котугдани или конно в Прибрежье, где у каждого племени до сих пор сохранялись большие лодки. Бывали в таких походах и Светислав, и Яр, и — в своё время — Годослав. Всегда в последние годы ездила на добычу большого зверя Всеслава из соседнего, Ратимирова, селения, которой боги даровали особенные знание и удачу в охоте. Не раз зазывали охотницу с собой и Кречеты, и Лебеди...

Вдоль стен Святилища стояли, вкопаны в Землю, истюканы всех Белых богов. Наперво — Род, Сварог и Птица-Мать Сва, украшенные затейливее прочих, не только золотом, но и цветными горными камнями, частью с Островов, частью вымененными у гмуров уже здесь, у Пояса Рода. Далее — Сварожичи Дажьбог, Семаргл, Велес, Хорс, Стрибог, Перун, охранитель

берёжи и всех ратников. За ними— жёны их Майя, Купальница, Ненила, Заря, Лада, Дива и дети Коляда, даритель Великой книги, более прочих заботившийся об аркадах на Островах, брат и сестра Купала и Кострома, чьё время уходило этим вечером вместе со скрывающимся за горами Солнцем, Денница, Леля, Макошь, Среча и ещё десяток. С ними же — и птица Сокол, охранитель и предок племени.

Каждый из истюканов имел рог для жертвенного питья — священной, дарованной богами ещё в прошлые годы Сварога сурьи. У каждого стояла серебряная или медная чаша для приношений, которые сжигались в празднества вещуном и его помощниками, а в другие дни — любым человеком для своей заботы. Перед отъездами в городьбу Светь приходил сюда с дарами Перуну, оружному, в шлеме и с золотым щитом, Соколу, хозяину Леса Велесу и богине ладности и удачливости Срече. Так же поступали и другие ратники.

Середину Святилища, вместе с крадой, украшала выложенная из самых красивых камней, какие только отыскились в предгорье Пояса, горка — знак священного Алатыря.

Во всём здесь соблюдалась четырёхсторонность: крада с четырьмя углами, истюканы с четырьмя лицами — на Север, Восток, Юг и Запад. Входить в святилище полагалось с восточной стороны — как Солнце в мир, — а выходить — на Запад. Выходя же, человек оказывался у высокого и толстого дуба и у корней его, в поддубье, мог обратиться словами к духам лесов, полей, лугов, рек, воздуха, духам дневным, добрым, помощникам Белых богов. Все дубы почитались особо, так как даровали людям долголетие, крепость тела, прочность семьи. А этот священный дуб и сам походил на старого, доротного бога — с ветвями, как руки, волосы и рога, с ущерблениями на стволе, будто глаза, нос и грозно поджатый рот с клыком — зубом. С него брали иссохшие ветки и кору для сжигания жертвоприношений.

Обратиться с просьбами к духам можно было и в священных рощах вокруг холма. С восточной стороны рядами росли берёзы, охранительницы людей от хворей, безлаиц и лиха. С северной — буки и осины, деревья Сварога, Коляды, мудрости и всеведения. С Запада — вязы, посвящённые Матери Сырой Земли и Птице Сва и дававшие кору для особенных, женских, заклятий. Науз, узелок с частичкой такого вяза, висел у Светислава на поясе с тех пор, как он стал буюром. Так Горислава думала уберечь сына от асилков и прочей лесной погани. С Запада же росли и посвящённые Семарглу калины, а южную сторону Святилища хранили кустистые рябины и яблони, деревья вечной жизни, коловращения и сбережения богами людского рода.

Так и встали две тысячи Любомировых Соколов под сенью священных деревьев, все в молчании, все в чистых одеждах в ожидании великого мига смены времён. И хотя здесь, у гор и большого Леса, Ночь Солнца длилась всего два десятка дней в месяц темень, но по обычаю праздник возвращения Дажьбога происходил два десятка второго светения, как и на Островах, где год имел лишь один День и одну Ночь.

И вот вещун рода Ладимысл в длинном белом охабене, с кринкой сурьи в руках и в сопровождении трёх с половиной десятков помощников — по числу истюканов в Святилище — двинулся сквозь народ к холму. Шёл он очень медленно, ибо должен был пропеть по дороге всю Повесть предков. Юноши и девицы от разных семей, и среди них Мечислав, сын Яра, с торжеством на лицах несли жертвоприношения: квас и овощ Перуну, яблоки и зерно ячменя Матери Земле, зерно же и луговые цветы Ладе, жир для огня Семарглу...

Светислав стоял в своей семье под ветвями вязов и начало в пении вещуна почти не слышал. Хотя повторяемую из праздника в праздник Повесть любой запоминал уже годам к десяти.

...Так Подсолнечну Род Твастырь сотворил всю,
Поделил он мир на Явленный и Навию,
Вот ударил он по бело-горнему Алатырю,
И молочная река из Яви в Навь течёт.

Ладимысл в свои пять десятков лет пел так, что, казалось, утихомирил даже ветры, задремавшие на нежной листве священных деревьев. Солнце почти скрылось, ясочки ещё не проступили на вечеряющем Небе, и на версту вокруг лилась давняя Повесть об Уточке, посланной Сварогом в глубь Моря за Алатырь-камнем, о заселении Земли богами, рождёнными от удара Сварогом об этот чудный Камень, о коварном и лютном Чёрном Змее, скрытно ударившем об Алатырь и родившем так чёрных богов Вия и Дья, о победе Сварога в конце первого Коло над Змеем...

Светь с детских лет слушал пение празднества с прикрытыми глазами. И теперь он явственно представлял, как растёт на Алатыре Мировое дерево с золотыми, дарующими вечную юность яблоками, видел, как тысячелетиями поднимаются по Горе и по Дереву люди со светлыми душами прямо в Ирийский сад, где в блистающей дымке угадывается белокаменное кресло самого Сварога. Сладко пахнут необычайной красоты деревья и цветы, порхают жарко-зелёные птицы, перья которых по сегодняшний день сохранились в Святилищах Соколов, Воронов и Уток, и люди, исчерпавшие свой земной путь — мудреца ли, землепашца, ратника — в счастливом одухотворении входят в Сад и становятся небесными помощниками богам. И где-то рядом мягко и неприметно движется Великое Колесо Сварога, коло времени, и этим вечером, лишь появится для людского глаза Седава-ясочка, Перун повернёт Круговину и сдвинет Небесные сложения. Так время Купалы на долгие две тысячи лет сменится временем Лады. И все ожидают этого с боязнью и надеждой: и род Любомира, и шесть других соколиных родов у своих Святилищ, и десятки родов Кречетов, Воронов, Уток, Лебедей, Журавлей, Сов, и западные племена, более многочисленные, которые живут по ту сторону Пояса Рода, и, возможно, родственники где-то там, на Юге, которые день Сварога назад сразу ушли от Холода в тёплые земли, не испугавшись разлуки с древней Родиной.

Ладимысл поровнялся с семьёй Будислава. Теперь его песня была о текущем Коло, начало которого уходило в старину на два десятка тысяч лет и начиналось тем, что коварный Скипер-зверь застудил юного бога Перуна. И тогда тоже люди уходили с Блаженных островов на Юг и поселялись там, пока не обрёл волю Сварожич и не убил лютого Скипера. Северная Земля вновь расцвела, и люди жили вблизи богов. Но в восьмой месяц, в месяц Дажьбога, неожиданное пришло на Острова.

Богов Дети на больших лодках приплыли к нам,
 На больших ладьях по воздуху и по Морю.
 Как гостям мы отворили двери чужакам,
 Да и гости с подарениями прибыли.
 Камень был у них чудесный, жизнь продляющий,
 Делал воду он и мёртвой, и живую нам,
 Плоть и Землю растворял и рождал заново,
 Словно время убегало быстрой птицею.
 Богов дети привезли и Мельню чудную,
 Что давала пищу в достатке, как из воздуха.
 Но всего чудней была Книга Всеведенья,
 Коляда, сын Бога, мог один читать её.
 И решили мы, что жизнь теперь пойдёт счастливее.
 Поселились чужаки меж нами и Алатырем.
 Через жертвованья просьбы наши шли к богам.
 Мы Сварогу и Сварожичам сжигали плод,
 А они за то хранили нас и холили,
 Вечным летом одаряли племена людей,

Плодом-овощем в достатке, тучным колосом.
Прилетели, словно тучи, боги чёрные,
Небо ратью злобных духов всё покрылося.
У Детей богов забрали Мельню чудную,
Но упала Мельня в воду, возбудив её,
Море встало горой чёрной на сто саженей...

Ладимysl прошёл дальше, за ним потянулись помощники, а Светислав продолжал видеть перед глазами, как гибнут люди, как бегут они на Великом острове прямо на Алатырь, то ли живые, то ли уже бестелесными душами, как на других Островах — Золотом, Буйном, Белом, Ладном, Затульном — люди уходили в пещеры, а в Поясе Рода за такие подземелья возгорались схватки между асилками и гмурами. Но Коляда, ведавший будущее, отважно вёл людей и Сынов богов и разбивал чёрную рать. Вода утихала, на Небо возвращался Солнце — Хорс...

«И вот мы, внуки богов, — думал Светь, — (ибо Сыны богов женились среди нас) и вот мы снова видим перед собой лютый Холод и не знаем: встать ли насмерть, с нами ли древние боги или переселяться на Юг, где, может, на какой-то высокой горе уже заселили они новый Алатырь — взамен того, что покрылся белой водой там, на Острове Сварога?»

Повесть заканчивалась. Никто, как и до того, не смел сказать и слова.

Соколы стояли лицами к уходящему Солнцу, и у иных блестели на глазах слёзы — от воспоминаний о минувшем, когда в тепле и довольстве их предки питались плодами деревьев, не ранили Матери Земли омешиком сохи, пировали по много дней, приглашая самих богов и славя их в песнях. Старики стояли, понунив головы. Пяти -, десятилетними они увозились с Островов родителями и, следуя взрослым, целовали ту Землю и прощались с нею навсегда.

А Ладимysl, не останавливаясь в нынешнем времени, уже уносился своим дивным голосом в будущее и пел о месяце Купалы и Костромы и о том, как вернётся весь народ через тысячи лет, в новом Коло Сварога на родной Север. И будет это в седьмой раз и в последний...

Вещун остановился у входа в Святилище. Следовавшие за ним неторопливо разносили жертвования по чашам у истюканов богов, в которых уже приготовлены были растопки для сжигания людских приношений. Родич, старший селения, Любомир также поднялся на возвышение.

— Братья Соколы! — обратился он с высоты Святилища. — Многие месяцы и годы Сварога истекли с той поры, когда наши предки приняли сторону богов Света! Они хранят нас до сих пор и даруют после земного пути светлый Ирий! А мы жертвуем Белым богам частицу от трудов наших — плод и овощ, мёды и зерно! И следуем данному Колядой Закону Праведи!

Любомир умолк ненадолго, ибо подошёл самый важный миг праздника, затем взялся за солоник и — громко, размеренно, а за ним все Соколы — кто шёпотом, кто в голос — проговорил великий Закон согласия, лада и добра:

Следовать Праведи, убегать от Криведи.
Чтить богов Белых, отвергая чёрных.
Чтить свой род, семью и предков.
Ожениться-замужничать и один раз.
Иметь много детей и не отступаться от них.
Следовать правлению Вещенья племени,
Которое выбирает старших один раз на год в день Дажьбога.
Равны муж и жена, дети и старые,
Но всякий идёт своим путём от Яви к Ирию:
Землепашца, или вещуна, или ратника.
Всякий род живёт Землёю, рыбою и зверем

И не берёт лишнего.
Мир коловращается.
И кто ошибся с путём-участью,
На Землю возвращается.
Как и боги возвращаются ради невыполненного.
Отступивший же по своей воле от Праведи
Душою почернеет и из племени гоним.

За семь десятков лет, что прожили Соколы у Пояса Рода, только два раза изгнаны были из их племени преступившие через Закон. В лесах-горах сгинули те нелюди, и в этот миг их лютую участь вспомнил каждый. Содрогнулся внутренне, но и согласился: или вырвать шип, или всё вокруг него загноится.

Начались жертвования. Вещун, уже разливший сурью, от святилищного огня зажигал дубовые растопки в чашах и громко восклицал: «Да услышат нас Светлые боги! Да придут на помощь Светлые духи! Родовая птица Сокол вострепещется! Славим Рода, сотворителя Подсолнечной! Славим Сварога, отца богов, за Землю, за огонь, крушец и рудознатство! Славим Дажьбога-светодарителя...»

Род всё так же стоял лицами к последнему Солнцу Купалы. Многие шептали вслед Ладимыслу похвалы богам. Иные любовались уходящим за небостык светилом, которое считалось окном из мира богов, и только сквозь то окно в людской мир мог идти свет Ирия. Лицом Рода звалось Солнце в старых повестях. Светислав же и многие из юношей и девушек ловили в Небе тот чудный миг, когда проявятся первые ясочки и можно будет говорить о том, что Перун сдвинул Великое колесо Седавы и небесные месяцы сменились один другим.

Ладимысл также пребывал в волнении. Уже три-четыре раза прикладывал он глаз к особенным отметинам на столбах Святилища. Никто до сих пор не знал, верно ли сделал их семь десятков лет назад вещун Сомысл, который вышел с Соколами с Островов и строил это жертвище. Хотя здесь немало было и таких, кто знал место каждого небесного сложения и без всяких отметин: буяры и берёжа, которым приходилось по небесным подсказкам ездить по ночам, — мужи, которые ранее были в берёже да и не только они... Но все ожидали слов мудрого вещуна, и, приложившись к столбу в пятый раз, он возвестил громко на всю Священную рощу: — Радуйтесь, люди! Пришло Время Лады!

Громкие крики жителей селения и гостей колыхнули листву деревьев и, верно, достигли соседей, ибо через миг явственно слышались с Востока выкрики из селения Светимира, а с Юго-запада — из селения Вышемира. Соколы встретили новое время.

Вещун призвал всех не спать, приветствовать с первыми солнечными лучами Дажьбога, и пошёл от Святилища, на стенах которого весело перемигивались огни от жертвенных чаш.

Почтив богов, люди начали готовиться к братчине. Сюда, под сень добрых деревьев, несли еду, оставляя часть её в жилищах, у окон, — для родственников, кто прошёл уже земной путь, однако и в Нави должен был радоваться празднику и невидимыми душами устремляться к родным селениям. Предки, умерев, всё равно оставались частью рода и были просителями за своих детей, внуков перед богами.

На траву стелили холсты, расставляли братины, кошницы, горшки, чаши, множество кринок с сытой, квасом, берёзовой водой. Особенное место было за большими медными плошками со знаком Солнца, в них горками — снизу широкие, кверху поменьше — выкладывались праздничные блины. Детям тут же объяснили, что эта пища — главная, и с блинами человек вбирает в себя всю силу Дажьбожьего света.

Рассаживались больше семьями, хотя обычай этого не требовал. Будислав зазвал на угощение трёх Кречетов, прибывших на завтрашнее Вещенье, — Ведомысла, Тереслава, мужа

Светиславовой сестры, и его родича Аркомира. И теперь довольный старик, видя, что все собрались и разместились, оглядел семейство, влил себе в туесок квасу и сказал:

— Давненько мы не ужинали вместе! То наш Светь воюет с Лесом, оберегая род. То Ярослав обучает своих буяров. И теперь куда-то торопится, да я велел хотя бы до первой поры ночи находиться в семье. Так и помните все: Белые боги нас объединяют, а чуть веру отцов и законы Праведи кто преступит — и семья, и род, и племя — все разобьются. Потому — делаем, а к еде — чтоб все за один стол! Особенно — в праздники.

— Вот тронемся на Юг, все обычаи позабудутся, — сказал Аркомир.

— Трудности, брат Кречет, не для нарушения обычаев, а — для укрепления. Может, и не чёрные боги насылают на нас Холод с Севера. Мы всегда укоряем их, даже в мелком. Может, это есть испытание нашей верности Сварогу, Закону, родовой птице? Ведь и вещуны того не знают, что ожидает нас на Юге. Там, верно, тепло. А где удобно, там зло плодится быстрее. Недаром в старину чернобоги именно с Юга шли подчинять Острова.

Мудрые слова старика удивили всех, даже — Светь приметил — Ярослава, которого в семье и роде уважали не меньше старшего. Будислав с годами всё скупее отмерял слова, а вот хозяйственные дела семьи держал под строгим присмотром, ибо с мужчинами у них была трудность: Годослав погиб, двое шли путём ратника. «В Нави меня уже устали ожидать», — шутил он. Ведь сам Любомир, родич селения, на десяток лет был младше Светиславова деда.

— Восславим же Белых богов и предка Сокола!

— Восславим! — повторила семья за старшим, и нежный голосок Воиславы перелился поверх других, будто ручеёк через камни.

— Восславим предков в Ирии! Здравствуйте и радуйтесь, наши добрые соседи! — Будислав поклонился сидевшим справа своему брату Летиславу и его семье, затем — сидевшей слева, под низкими ветвями старой берёзы, семье Голеслава, и вновь вернулся к своим.

— Здравствуйте и радуйтесь, жена Градислава, сын Изуслав, жена сына Велислава, внук Милослав, жена внука Зареслава, дети внуков Путеслав, Твердислав и Двуслав, жена сына Горислава, внуки Светислав, Изяслава, Ивослав, сын Ярослав, жена сына Венцеслава, внуки Мечислав, Валеслав, Притуслав, Крутислав, Воислава. А также наши добрые гости-Кречеты.

Все поздравляли друг друга, а Светь, зачерпнув своей мягкой липовой ложкой добрый кусок дрожалки со свиным мясом, шепнул жене Яра, которая сидела рядом:

— А своего меньшего внука наш дедуня не поздравил.

Беременная Венцеслава усмехнулась:

— Ты и сам, родственник, только заприметил. В родной семье бываешь реже гостя.

— И то верно, — продолжал Светь. — Как из городьбы приеду, у вас уже сын или дочь.

Венцеслава засмеялась и просыпала кашу, которую держала в чаше перед своей трёхлетней дочерью. Яр услышал разговор племянника с женой и сказал с улыбкой:

— Нас с женой после свадьбы положили спать в живне, вот и идут дети один за другим.

— Да... — вздохнула Венцеслава, — прилетел Сокол, забрал у Утки её перья да унёс вольную до того птицу в чужую Землю...

— Так уж и чужую, — возразил Яр. — Всего-то сорок вёрст.

— Помню, помню, — прибавил так же шутивно Светислав. — Вы шли из Святилища, а вещун метался впереди и истоиво разил воздух бичом. Досталось тогда духам зла. Долго зализывали раны где-нибудь в Подземелье Вия...

Так же — со смехом и в весёлости — велись разговоры по всей братчине. Дети насыщались паренками, гречаниками, творожниками, сочными, киселями и блинами самых разных вкусов; взрослые неторопливо начинали с похлёбок, которые ещё парили в вечернем воздухе, пробовали каши на мёде, молоке, масле, опустошали множество кринок с квасом, священным напитком, сотворённым, как пелось в древней повести, ещё в первое коло Сварога самим Перуном.

Поначалу говорили о главном: возможном переселении, завтрашнем Вещенье племён, безланице в природе, из-за чего привычные полевые дела в этот год отдалились на целую Луну, полмесеца. Но вскоре люди развеселились и перешли к простому, обыденному. И только родители увещевали детей есть досыта, на всю ночь, ибо к этой пище завтра притрагиваться будет запрещено.

Светислав тоже порасспрашивал было Тереслава о городьбах Кречетов, о нападениях асилков, да расслабел и заслушался сидевшую рядом юную Твердиславу, которая рассказывала о странном шуме в бане.

...Не первый раз слышала. Думаю: особенный дух там поселился. И имя ему — банник.

— Вот удумала! — не поверил Притуслав. — Духи только в природе обитают, а селений сторонятся. Разве ветер...

Девчушка твердила своё.

Вдруг кто-то тронул Светя за плечо. Он обернулся: Ярослав уже встал и кивнул ему, отзывая.

— Я уезжаю до завтра... — сказал он, отойдя на пару саженой от пиршества.

— Верно, в Каменное взгорье.

— И то хорошо, что не спрашиваешь: куда. Помни, если будет тревога от берёжи, собирай дружину.

— Я отведу ратников к границе.

— Нет. Асилки коварны и знают о нашем празднике. Ратники пусть уйдут, а ты с буярами останешься охранять селение...

— Ясно.

— Хотя, верно, братья за оружие не придётся. Да хранят нас Белые боги в эту великую ночь. Веселись с друзьями. Скоро игрища.

Яр исчез, а Светислав заметил, что всё больше из тех, кто помоложе, уходит от ужина и спешит к недалёкому лугу, на котором уже высилось пугало чёрного бога. Хотя из-за свежести вечера вставали от пира и старшие.

К нему подошла мать.

— Ты не уедешь?

— Нет, мати, только Яр. Что, уносим всё обратно в селение?

— Не беспокойся, унесём, лишнего не брали. А ты, сыну, войди в Святилище.

Она подняла правую руку и, оказалось, держала в ней горшок с мёдом и пшеничным зерном.

— Пожертвуй своему охранителю Перуну или в ком есть потребность. В такой день всякое подношение имеет особенную силу, а ты часто находишься в опасности.

— Хорошо, схожу, — Светь взял горшок и увидел что-то в другой руке Гориславы.

Он сразу догадался. А она немного смутилась.

— Теперь ты, сынок, из юноши можешь перейти в мужчины. Вот тебе знак Лады, чьё время как раз наступило, а у меня он от твоего отца. Четыре видных и разумных Сокола отдали мне свои знаки, да я отдала лишь одному. Годь, как и ты, очень выделялся. Быть ему родичем, если бы не поганые асилки...

Светь едва сдержался: так ему захотелось поведать матери тайну гибели её мужа.

— Ты знаешь, сын: хочется мне, чтобы ты женился и выросла наша семья. Ведь теперь ты можешь уйти из берёжи, твой черёд окончился, другие буяры подрастают...

— Если народ двинется на Юг, таким, как я, выпадет идти впереди.

— Вот и у тебя нет жалости по Родине, готов бросить Землю предков...

— Мати, я люблю эти места. За них погиб мой отец, за них я много раз обаграл кровью асилков свои меч и копьё. Но Холод гонит нас, через два-три-четыре года Земля здесь перестанет родить овощ и зерно.

— А вот Годь говорил: не следует бегать от трудностей, надо понимать природу и быть ей другом... Что с тобою?

— Мати, я уже слышал эти слова... Думаю, мой отец был весьма мудрым человеком.

— Не только мудрым. Но и отважным. Он говорил: большая душа проходит по Земле всеми путями, а не одним. И ещё он говорил, что в Законе Праведи лучше будет не «Чтить свой род, семью...», а — «Жить для своего рода, семьи...» И он собирался прочесть в Святилище западных племён то, что сохранилось от Книги Коляды. Часто говорил: «Вот отыщу горморун (это крушец такой, крепче меди, — пояснила Градислава, хотя Светь уже знал это от Вербора), отыщу и поеду к Западным, пока те не ушли в Леса Бармы». Вот каким был твой отец. Потому я никогда не удерживала тебя от ратного дела: зов крови не пересилишь. Но теперь ты можешь найти подругу на всю жизнь и отдать ей свой знак Лады. Тебя уважают, хотя и молод. Мало какая девушка отвергнет такого... А знак даю тебе лишь один. Не перебирайся, полюби всюо душою ту, которая приглянется более других, почувствуй её сердце и вручи знак.

— Так и будет, моя мудрая матушка, — согласился Светислав. — Если назавтра Вещенье решит уходить — остаюсь ратником. Если не будет переселения — женюсь.

Горислава радостно улыбнулась.

— Если будет переселение, я и сама велю: «Ты опытный, иди впереди всех вместе с Яром». А теперь, сынку, погляди: тебя ожидают.

Она присоединилась к Будиславу и Изуславу, которые подняли семью с холодевшей Земли и собирали чаши да кринки, а Светислав увидел, что с ним хотят переговорить двое из семьи Острослава — тоже берёжа Хватислав и его сестра Тихослава.

Соседи поприветствовали друг друга.

— Друг, ты идёшь на игрища?! Ведь спать нельзя до зари! — Хватислав радостно похлопал его по плечам, а Светь, увидев на голове того яркую перевязь буяра, вспомнил, что говорила Радя об алой краске для этих перевязей. Утром она с Гостомыслом будет в их селении.

— Да я и так отсыпался почти до праздника. Уже отдохнул.

— Надо хотя бы раз опередить Дрёмославовых! — заговорила девушка. — Всегда они закатывают на взгорок огненное колесо! А сами такие неуклюжие, робеют за него взяться, катят ветками или дровинами! Я брату говорю, а он: «Одному не сподручно. Ещё бы буяра!» Тут племянница и подсказывает: «Светь вернулся из городьбы!» Что же, пособишь Хвату?! А я с твоими Изей, Ивом, Мечем да своими сёстрами поохраняем вас!»

— Ступайте, — согласился Светислав. — Да скажите там, что зажигать колесо надо только святилищным огнём. А тут и я подоспею.

Брат с сестрой бросились скликать помощников, а Светь направился с чашей к Святилищу.

Внутри уже никого не было. Те, кто пожелал, передал свои жертвования вещуну, или сжёг сам ещё до братчины. Но огни горели и, как живые, металась по стенам. Пахло терпко.

— Да услышат меня Светлые боги. Да почуют меня светлые духи, — прошептал юноша на входе необходимые слова и пошёл вдоль ряда истюканов.

Но, не дойдя шагов пять до Перуна, остановился. Напротив серебром отливалась Лада, новая владычица времени, богиня любви и семейной жизни, спутница самого Рода, потому — Рожаница. Зелёные и рудые камни — Весегоры и Палагоры, по-гмуры, украшали её голову ярким весенним венком. Мутно поблёскивал золотой пояс. Гордой и весёлой казалась богиня в полутьме.

Светислав подошёл к Ладе и, поклонившись, отдал ей свои жертвования.

— Прошу у тебя, великая богиня, пути мужа и отца, какой даёшь ты всякому человеку. Ибо нет более праведного и мудрого. И Сварог с Матерью Сва едины, и дети при них. И Дажьбог заодно с Майей, и Коляда да Овсень, сыны их, при родителях. И нам, людям, тому следовать надлежит.

Светь вышел из Святилища на Запад. Над самыми горами, почти слитыми с Небом, над пологой белесоватой Кетманью, висело небесное сложение Лады с воздетыми на Юго-восток «руками», с тремя яркими ясочками и таким же узким пояском, как на истюкане. А чуть выше уже плыл рогатый серп, который через три ночные поры должно было сменить первое Солнце Лады, первый её день. А пока... Пока разгорались костры на лугу за рощей, слышались напевы и шум голосов. Светь схватил в Святилище самый пылкий пламеник и, выкликнув себе «И — эх!», побежал к людям.

За большое, заранее приготовленное колесо, которому надлежало быть сожжённым в прославление Дажьбога, уже шло препирательство, хотя и незлое. Каждый год самые ловкие и бойкие стремились ухватить колесо, зажечь, закатить на холм и с громким кличем пустить оттуда катиться, подпрыгивать, разбрасывая искры и обжигая темноту и, наконец, успокоиться, став началом священного костра — для очищения, для хороводов, для сжигания пугала.

Светь издали увидел, как его друзья плотно обступили колесо и отталкивали крепких юношей и мужчин из семьи Дрёмослава и других. Самым рьяным выступал племянник Мечислав. Он и закричал уже подохрипшим голосом:

— Да убери своё кресало! Вон священный огонь несут! Давай, Светь!

Светиславу расступились, и он, кивнув Хвату, замер на миг и, прикрыв глаза, сделал несколько движений бузы. Боевое состояние придало ему нечувствительности, и, бросив пламеник на пропитанное жиром колесо, он с другом ухватил его голыми руками и покатил к возвышенности. Кто-то пытался сунуть между прикрывавших их родственников толстый шест, да два берёжи так быстро бежали, что и свои не поспевали за ними. Только рукав рубахи вспыхнул было у Хватислава, но Светь вмиг хлопнул по огню и сбил его. И вот вершина. Не задерживаясь, огненный знак Дажьбога пустили вниз, ещё и изрядно подтолкнув — то Меч и Тихослава решились подсобить. Громкий крик восславил бога света и отважных юношей. А стоявшие на холме взялись за руки и запрыгали по вершине резвым хороводом.

— Вокруг огня, вокруг огня надо водить! — кричал Светь, но голос его терялся, а Тихослава рядом, крепко держа его, повторяла непрерывно:

— Мы уважили Дажьбога на переходе времён! Мы!

Только теперь Светислав заметил, что на лугу собралось едва ли не всё селение. Дети и подростки встали уже в три-четыре хоровода вокруг колеса, на которое теперь наваливали сухих дровин. А Дрёмославовы, упустив одно, успели в другом: несли к сожжению чёрного бога. Родственники постарше подходили сюда от Святилища: по дыму пугала всегда узнавали об урожае, а часть пепла потом каждая семья относила на своё поле.

— Ты захватил себе что-нибудь ненужное?... — спросил Светя Мечислав. — Нет? А сжигать что будешь? Вот возьми.

Он протянул один из двух старых сапог, которые были заткнуты у него за пояс. Светислав даже устыдился: в прошлом году в этот праздник он был в свой черёд в городье, а прежде забыл взять что-то ненужное своё, и выручила сестра Доброслава, тогда ещё не Кречет. Бросать в костёр старьё в день наступления нового года — обычай ещё с Островов, и ему следовали во всех племенах.

Пугало вспыхнуло! Снова злые духи обратились вспять от мира людей, ибо разгонялись и огнём, и криком — визгом множества глоток. Особенно старались дети, срывая голоса. Иные — четырёх-, пятилетние — впервые пришли на игрища и сами, как духи, носились ветерками в светлых своих рубашках и мотали светлыми кудряшками.

Начались очистительные прыгания. Тихослава ухватила Светя за руку и рванулась вниз, к костру. Он едва попевал: «Экая ты резвая! Мой Здоровко не угонится!» Но девушка убыстрялась. Лишь у самого огня она остановилась и быстро зашептала: «От хвори и Мары, духов чёрных, злых дьевичей. Прыгну выше — к богам ближе. Священный огонь не обжигает, а очищает...» Светислав и здесь едва попевал повторять.

— Что, прыгаем?! — крикнула разудалая соседка.

— Прыгаем выше!

Они сильно разбежались и взлетели над пламенем, которое обдало мягким теплом и ослепило, будто перенесло в день. Но только на миг. Сзади уже подскакивали над костром другие, вокруг неслись хороводы, то широко, то переменяясь на несколько меньших, все — посолонь, по Солнцу. В стороне старшие собирались послушать сладкоголосых певцов, любители погудки гуслирили, сопели, дудели, свирелили, трещали, бирюлили... Наверно, шума и гама хватало не только на то, чтобы загнать в леса и горы всё худое и злобное, но и уже с ополуночи растревожить Белых богов, чтобы готовились с первыми лучами Солнца восславить рожаницу Ладу и приветствовать очередное перерождение великого светодарителя Дажьбога. И потому этой ночью люди не пугались темноты.

А в третью пору, перед рассветом, юноши и девушки кто сообща, кто парами и по одному отправились к реке Вайгдани. Та вёрст сорок тихо текла, деля Земли Кречетов и Уток, после чего вливалась в широкую и сильную Котугдань, выносившую свои воды в самое Море. Пришло время пускать венки, чтобыплыли до самого священного Алатыря и несли богам для исполнения тайные пожелания и просьбы.

Светислав брёл один: ночного мрака он не опасался, хотя за спиной и не было привычного лука. Только два узких ножа как всегда лежали в сапогах. Их он не вытаскивал с той самой поры, как саженный асилк сбил его в Лесном походе с коня и двумя лапами зажал горло. Враг получил смертельный удар в шею. «С ножом буду и спать», — сказал тогда Светь Ярославу, а тот дал совет: «Храни два ножа: не угадаешь, к какой ноге сподручнее протянуть руку».

Такая боевая жизнь за столькие годы подчинила и привычки, и мысли юноши, и вот теперь, как в Святилище, он пребывал в сомнениях: просить ли ему у богов доброй жены, как другие, или удачи в возможном походе. Вчерашняя встреча с Радиславой и недавние слова матери потеснили в его мыслях ратные заботы.

Венок он сплёл ещё тогда, когда в подвечер говорил о делах с Ярославом — незатейливый, из ярких весенних обдуванчиков. Положил, как и все, под берёзу в священной роще, а теперь нёс на голове, сдвинув соколиные перья.

Отовсюду доносились песни. Кто-то совсем рядом мягко и прочувствованно запел о любви Кресеня:

Из цветов борвицы был сплетён венок
На головушке красивой, лепой Радюшки.
А на Кресеня воздели други верные
Осветляющие всё кругом беложини...

Вдруг пение оборвалось, и к Светю подбежала Тихослава.

— Один идёшь?.. Вот возьми. Вспомни меня, когда решишь сменить путь ратника.

Она умчалась вслед за окликавшими её подругами, а Светислав шёл, не разгибая ладони с вручённым девицей знаком Лады и уже не сомневался, о чём просить богов, отправляя к ним свой венок.

...Едва луч Солнца вырвался на востоке из-под Земли, как великий северный народ встал лицом к рождающемуся светилу — семь племён, четыре десятка и шесть родов; каждый род — у своего Святилища. Все они верили в Свет и чистую жизнь, и Дажьбог не обманул их: не покинул. И потому, встречая день, люди запели славу Солнцу и Белым богам. Они вспоминали, как те сотворили их из звериного мира, как дали для обитания Блаженные острова, которые заселили и сами, как всегда в трудностях они были вместе — боги и люди. И вот теперь мудрый Дажьбог ушёл от блажи, бросил соблазнительную Мару и возвратился-притёк к Живе. На Севере закончилась Солнечная ночь, и наступила весна нового года.

Но светлая жизнь по закону Праведи — не только счастье, но и испытание.

И едва Солнце вошло в силу, как вещуны родов пошли от человека к человеку, пристально взирая на людские тени. И если у кого тень загустила, того наставляли: уйди от себя-любия, расхлебени, пустой шумливости или другого душевного изъяна. Немного таких было, ибо знал человек: каждый год его насквозь прозрит мудрый вещун.

Однако в это необычное утро открылось всем мудрецам родов нечто новое, чего ранее не видели: у всех родственников-соплеменников появился в душах страх перед будущим, перед неизвестностью судьбы. «Худо это, — говорили вещуны старшим семей. — Точит страх души, убивает в них светлое. У каждого в жизни свой путь, каждый сам выбирает. Но путь всему народу должны дать боги да родичи, ибо и дерево: или вверх растёт, или засыхает».

И слушали то старшие семей и родов и крепко размышляли, какой же им указать путь своему народу, чтобы ушла боязнь и воротилась вера в то, что и детям их, и внукам жизнь предстоит счастливая...

Повесть 4. Вещенье племён

С утра два десятка третьего числа месяца свистения первого года Лады наступали Перуновы дни, когда вспоминали все посрамления чёрных существей Белыми богами, когда продолжали приносить жертвования ради поддержки силой людской божеской силы, когда ночами на высоких местах жгли костры, не подпуская темень к селениям, а в жилищах денно и нощно не гасили огнища, лучины в светцах или плошки, ели круглые блины и пироги, мужчины, юноши, мальчики поголовно стриглись кружком, окуривали от хворей, прогоняя меж двух кострищ, животину, жарко топили бани, мылись и надевали только белое... Во всём поступали так, чтобы в каждой мелочи присутствовало почитание света и Солнца, торжество богов-охранителей над пособниками Дыя и Вия, источников злоторства.

Уже к началу заутра у Святилища Соколов собрались почти все родичи племён, ожидали только Воронов. Туда же по общему согласию призвали старших вещунов от каждого племени. А ещё Гостомысла, о мудром уединении которого ради постижения Пути народа, знали все. А ещё двух старших над берёжей — Ярослава от Соколов да Гормослава от Кречетов.

Любой человек мог, придя на совет, стоять неподалёку да слушать мудрейших, не говоря слов. Обыкновенно это делали немногие, даже из старших семей, потому что после совета родичи изыскали своим людям всё решённое, и те вместе одобряли предложенное. А если не было согласия и что-то хотя бы в одном селении племени не одобрялось, родичи собирались опять.

Но в этот день любопытство привело многих посторонних в священную рощу. Одних влекла трудность с решением о переселении на Юг, ибо половина в родах выступала за него, а другая — против. Так же и среди родичей. Но больше народу пришлось подивиться на прибывших ночью Западных — посланцев от племён по ту сторону Пояса Рода. Им позволено было сказать свои слова на совете. Хотя всем в селении Любомира уже стало известно, что Медведи, Волки, Лисы, Росомахи и другие племена уходят во вторую Луну месяца страденя на Юг прямо сквозь необозримые леса Бьярмии; что первыми пойдут Лисы, выбранные старшим племенем за умение покорять асилков Леса Бармы; и что асилки в тех местах не косматые и рыжие, а чуть повыше медведей и чёрные.

Многие узрели западных сродников впервые в жизни и весьма дивились одежде со звериными шкурами, кускам меха на головах вместо перьев у «птичьих» племён, оберёгам из речных мутно-белых камней, которые прозывались Перлами.

От одного к другому в селении передавалась весть о том, что западное племя Рысей вернулось, едва закончилась Солнечная ночь, на свой северный остров Тулый. А началось всё, по словам гостей, с битья морского зверя, чем Западные занимались чаще «птиц». Нежданная буря унесла к островам пять лодок Рысей, и те, спасаясь от падающей с Неба белой воды и губельного ветра Паздерника, вошли в какие-то неизвестные раньше пещеры. С оружием наготове, ожидая нападения виевичей, вступили люди в темень, но встретили совсем иное — подземное озеро с тёплой водой и множеством белой рыбы и ещё горячее земляное масло. Рыси разожгли его и обнаружили большие покои. Меж ними — проходы с высокими потолками. Но не только уютность Подземья, когда наверху метался злобный студёный ветер, пленила охотников: дивной красоты камни-Перлы сверкали при свете пламеников в озёрной воде — большие, зелёные, словно глаза добрых духов. Рыси взяли те камни и больше не смогли избавиться от их обаяния. А вернувшись к своему племени, увлекли всех родственников чудными рассказами о подземном мире и необычайной красотой зелёных Перлов. Камни те давали любому человеку, который держал их в руках, особенную силу — видеть изменения природы заранее, повелевать зверьём, по много суток без сна не чувствовать устали... «Белые боги не на Юге, — решили вещуны Рысей. — Они скрылись от Студеня под Землю, оттеснив слуг Вия. Там сила

света приумножится Матерью Сырой Землёй, рождающей зелёные самоцветы, и чёрные боги вновь будут изгнаны с Островов. Мы не можем отступить от своих богов и бросить их в трудное время...» Вот что сказали их вещуны.

Однако Рыси никого не звали с собой: то ли опасаясь, что пещер да снеди не будет в достатке (а западные племена весьма многочисленны), то ли желая в одиночестве владеть силой зелёных Перлов. «Если Земля не перестанет дарить тепло, — говорили старшие Соколы, — а морской зверь не уйдёт в южные моря, как сделали это многие звери Леса, то Рыси не погибнут. Однако сохранят ли они верность Закону Праведи без солнечного света и без той снеди, которую родит Земля — плода, овоща, зерна. Ибо поедание звериного порождает звериное, а Коляда убеждал людей застольничать тем, что произрастает в светлое время, зреет и, не съеданное, погибает само собою.

О таком неожиданном возвращении на Острова целого племени Соколы переговорили бы ещё не скоро, но вдруг прибыли ожидаемые родичи Воронов. И не только конно, но и воздушно. И хотя в старину все племена обладали тайной Детей Богов и умели сотворить летучую лодку, однако появление в Небе большого бело-красного дутеня с плетённой лодкой и двумя Воронами в ней, вызвало, особенно среди детей, немалое смятение. Старшие быстро утишили народ, и люди дружно отправились к Святилищу глядеть на чудо. Но вот поначалу иные воскликнули было, что сам Дажьбог спустился сверху, чтобы молвить на совете своё слово и вести верный ему народ к новой Родине.

Летучие Вороны бросили своим конным спутникам бечеву, а те притянули дутень к самой Земле. Скоро уже многие из Любомирова рода побывали в чудной лодке, которую Вороны позволили подымать сажени на две-три. Однако дутень быстро обмякал и через полпоры стал обычной холстиной, ярко окрашенной в цвета солнечного бога. И только крылья — натянутая на тонкие прутки холстинка — ещё долго занимали детей. Эти крылья Вороны сделали на случай какой опасности или повреждения дутеня, если бы пришлось покинуть его прямо в воздухе.

Весёлый и шумливый настрой людей не передался тем, кто у порога Святилища воссел на скамьи, чтобы решать участь народа. Родичи приветствовали друг друга, пытливо озирали Западных, тихо говорили о признаках похолодания, которое сильно испортило в этот год всходы на полях. И только Вышемир, родич ближнего к Поясу Рода селения Соколов, нетерпеливо повторял о белой воде на Кетмани, об уговоре с гмурами, что давал возможность идти на Юг не через Лес Велеса. Но всем было ясно: этот старший в роде опасается, чтобы весть о Рысях не подвигла совет к решению остаться здесь ещё на год. С ним не препирались, надеясь на изволение богов и совокупную мудрость народа. Даже привычное в первый из Перуновых дней избрание родичей во всех селениях перенесли на одну Луну, и потому Любомир по праву гостеприимца заботился о прибывавших от других племён и готовил Святилище вместе с вещунами для вопрошания богов. Внутри же его всем повелевал Гостомысл. Он приехал с одноплеменниками Лебедями ещё ночью и уже с рассвета приносил жертвования травами, отчего кругом Святилища, пока не проснулся и не пролетел по верхушкам деревьев Полуденник, лилась терпкая, но приятная пахучесть. По всем мелким приметам боги Ирия в этот день были склонны внимать людям, и Гостомысл приступил к главному делу.

В краде Святилища вскипятили в сурье белену, одурмань и ещё десяток трав. Ладимысл, избранный для разговора с предками, уже сидел с закрытыми повязкой глазами у истюкана Радогоста и тихо шептал заклинания, которые слышать никому не следовало. Холст самого Святилища приподняли со всех четырёх сторон, чтобы не препятствовать предкам-навиям, призываемым словами и особенными запахами. И вот, когда Солнце на Юго-востоке переходило из заутра в полудень, Ладимыслу дали испить три глотка из чаши тайного питья. После этого вещун встал на ноги и пошёл по Святилищу. Стихли все: мудрецы вокруг избранного, родичи у подножия пригорка, другие люди и даже дети, игравшие диковинными крыльями

Воронов. Ладимысл перестал быть собой и начал вещать... Через треть поры действо повторилось, только на этот раз в мир иной отправил свою душу уже сам Гостомысл, более знатный и уважаемый из всех вещунов.

...Тем временем Светислав находился в двух верстах от селения и подъезжал на своём Здравке к широкому лугу с редкими осинами, берёзками и по левую руку — с ивняком. Одним боком луг упирался в реку, а с трёх был обстенён редкой и невысокой городнёй. Посреди неё угадывались три дернушки, обращённые входами друг к другу, дерево с лестницей, а поодаль паслось с десятков лошадей. Здешние собаки, а пять или шесть из них выскочили откуда-то из-под ближайших деревьев, видно, были знакомцами с Холенем и потому пустили приезжих, не подав голоса.

Светь подъехал к загородке и, пустив коня на траву, направился к дернушкам. Шагов за сто он пошёл медленно и бесшумно, однако уже через десяток саженей его скрытность обнаружилась. Словно из Земли выросшие, головы подростков, светловолосые, с алыми перевязями, в первый миг пристально уставились на него чуткими глазами и тут же заулыбались — теми же, но заискрившими от радости глазами, и ещё по-детски яркими губами.

— Кто на этот раз услышал меня первым?! — крикнул Светь.

— Болеслава. Но и другие тоже! Да ведь ты и не стремился подбираться к нам как всегда — втайне! Вон и конь твой взбаламутил наших!..

Светислав вступил уже во внутренний, между дернушками круг и со всех сторон слышал: «Здравствуй, Белые боги и Сокол с тобой», и сам приветствовал юношей и девиц, которые, числом около трёх десятков, снова садились на траву, отвлёкшись на нового человека.

— Ещё четверо, после чего обратимся к гостю! — велел старший, и все стихли.

Светь также уселся — спиной к берёзовому дереву, лениво отвечавшему юной листвой на заигрывания нежного Полуденника, и вслед за другими прикрывал глаза.

Здесь было постоянное становище буяров, где подростки из Соколов, отряженные разными родами, проводили по полдня, иной раз и дни, а то и ночи, подражая, сколь можно было, жизни берёжи в городьбах у Леса. В этом становище буяры обучались разным ратным делам: владению ножом, луком, мечом, копьём, булавой, цепом и бичом, конной скачке и стрельбе на скаку, схоронению в траве, в листве дерева, в воде реки, Перунову ратоборству без оружия... Здесь и Светь провёл свои три года учения, пока в десяток и восемь лет не стал ратником. Сюда старший юной дружины и всей берёжи Ярослав всегда просил заехать тех, кто возвращается из приграничья на отдых — с советом, с новым опытом, для научения чему-то, просто для расспросов пытливыми буярами. С тех пор как появилось по придумке Яра это крохотное приречное селенье и берёжу начали сменять не мужчины от сохи и домашних забот, а опытные и умелые юноши и девушки, с тех самых пор асилки перестали легко и безнаказанно выходить из Леса и нападать на людей и животину.

Главным учением буяров стало знание Леса и повадок его обитателей, особенно косматых рыжих чудищ. И если асилки год от году становились коварнее и злобнее, то берёжа из буяров одолевала их разумом, опытом и слаженностью. Все ратные приёмы отрабатывались в парах и в десятках. Лесного же врага при столкновениях охватывала хотя и ярость, да безумная, суежливая. А едва перепадала добыча, как асилки начинали препираться меж собой и даже лупили друг друга дубьём. Яр так и учил подростков: «У нас три помощника: Белые боги, умения и друг. Первых спрашивай, вторые улучшай, на третьего опирайся и сам будь ему опорой».

С новым знанием ехал всегда к буярам и Светь. Часто, поступаясь с делами семейными, брался за меч, лук и целыми днями обучал будущую свою приграничную смену. И вот пришло оно, время смены. Ему два десятка лет, он должен стать земледельцем, мужем, жениться, следуя великому закону жизни, ибо нарушения его — пособничество чёрным богам, ночному Дью да подземному Вию, отступничество от жизнедарительницы Живы в угоду Мары, богини смерти. Кто из этих буяров десятка и восьми лет займёт в городьбе его место? Чуткая Боле-

слава, бьющаяся мечами на равных с самим Ярославом и скачущая на коне так, будто они одно существо, похожее на почитаемого гмурами Китовраса? Или силач Ясулав, который полугодие назад всего сутки провёл в городье с двумя другими буярами да наткнулся в прилесье на выводок диких кабанов, а, когда старый секач, едва ли не с лошадь ростом, помчался на него, одним жутким ударом кистеня разделил звериную голову надвое? Он и сам, как асилк: широкогрудый, с длинными тёмно-русыми кудряшками, стриженными ради праздника и схваченными яркой буяровой перевязью. Перевязью, цвет которой рождён Радиславою, её знанием лесных да луговых трав. Не потому ли Светь отправился сюда в такой день, когда вот-вот окончится совет у Святилища и дадут знак к Вещенью рода, не потому ли, что, желая встречи с красивой и забавливой внучкой Гостомысла, всё же робел пойти к жилищу, где у родственников остановились Лебеди? И что он расскажет в этот раз любопытным буярам, какой совет им даст, если рука его вместо того, чтобы сжиматься на рукоятке нового, редкого у Соколов гмуровского меча, ласково гладит по голове прильнувшего к ногам Холеня? А они приметливы, они быстро заметят перемены в своём Светиславе, почувствуют в нём новое, чужое им. Верно, уже удивились про себя, что он не подкрался к их становищу под водою или по густому приречному камышнику, не проверил их чуткость, что уже стало привычным...

Но пока всё как обычно. И в обучении слышать звуки Леса он невольно участвует, и слух его, хотя и отделился от мыслей, но не ослабел.

— Говорите остальные... — послышался в тишине голос Метислава, старшего здесь вместо Яра.

— На Юго-востоке, в трёх сотнях саженей пугливо вскрикнула лазоревка. Думаю, к реке крадётся лиса.

— Добре, Живослава. Ещё кто?

— Две колопицы слетелись вместе на дереве к Югу отсюда, в семи десятках саженей. Самец и самка. Видно, пара. Кликают по-разному.

— А потому кликают, — продолжил Метислав, — что неподалёку сел на ветку коршун. Опасаются за гнездо... По слушанью всё. Отдых.

— А что Светь? — смеясь, спросила Болеслава.. — Что слышит он, кроме рыканья косматых?

— Я? — ратник встряхнулся.

— Ты, ты! — подхватили и другие, особенно девушки, из которых многим нравился племянник Ярослава.

— Или задремал после праздничной ночи?

— И снится ему, что он вместе с Хорсом катит Солнце по Небу, как горящее колесо той ночью!

Светислав заулыбался шуткам. Видно, буяры уже немало обучались с рассвета и теперь хотели отвлечься.

— Я слышал, — сказал он, наконец, — как в камышнике, в двух десятках саженей от нас, всплыла выдра; как напротив, на другом берегу реки, чистил перья чёрный дятел; как к Югу, в семи десятках саженей, куница погналась за белкой... А ещё, так же к Югу от меня, в десятке шагов, какая-то доротная девица ущипнула соседку, и та шлёпнула её по руке.

Все засмеялись вновь, но теперь — над Болеславой, а старший буяр, подняв голову вверх, к верхушке толстой берёзы посреди поляны, крикнул дозорному, что пришло время смены. Наверх, в сплетённое из прутьев «гнездо» с плетёной же крышей от Солнца и дождя, полез другой, а спустившегося Метислав посрамил:

— Как же ты не дал нам знака, когда подъехал гость?

— Я ему сам показал рукой, чтоб не тревожил вас, — заступился Светислав.

— Нельзя так. Тебе же ведомо, что надо извещать обо всём: хоть свой, хоть враг. Яр говорит: глазами дозорного видит каждый в становище. Сначала мы внимаем ему, после же и без зренья чувствуем всё вокруг на многие вёрсты, ибо привыкаем.

— Да, это так... — согласился Светь и задумчиво оглядел луг.

Одни буяры направились к лошадям для дальнейшей учёбы, другие — к реке: испить да омыться, пять-шесть самых юных взялись за луки и стрелы и звали его, чтобы показать своё умение. Он любил стрельбу, но теперь не поспешил к подросткам, и руки не потянулись в нетерпении к тулу за спиной.

— Думаю, мне есть что сказать вам в этот день. Позволишь?

— Почто спрашиваешь? Тебя всегда слушаем с большой радостью. А ведь я подумал было, что у тебя какие-то заботы и мысли далеко отсюда.

— Мыслей много... разных...

— Тогда к камню, брат Сокол.

— К камню, друг. Скоро подадут знак в селении.

Посреди становища, подле дозорного дерева, лежали составленные горкой и обросшие мхом валуны. Подобные напоминания о священной горе Алатырь на Великом острове Сварога стояли посреди каждого селения всех племён — как восточных, так и западных. У этого же бугорка, в центре становища, буяры собирались для прославления богов и добрых духов, здесь обсуждали вести из приграничья и решали то, что касалось всех. Сюда, как и во всякий свой приезд, вышел Светислав, и юные ратники и ратницы тут же заметили, что он желает обратиться к ним. Собрались не все, но многие.

— Друзья и подруги буяры! — начал он немного растерян, но быстро обретая уверенность, хотя нечасто говорил так глубокомысленно. — Я не стану учить вас, как всегда это делал, каким-то мелким приёмам, какие постиг в городьбе или Лесу за те четыре Луны, что провёл у нашей границы в свой черёд. Сколь их было, таких поездок к рубежу... Я и не считал. Но всякий раз моё знание тут же передавалось вам, нашей смене. Так и я, будучи буяром, постигал новое от тех, кто стерёг Лес до меня. Мудрость не сваливается на нас разом, в один миг, и то, что входит через глаза и уши, должно дойти до рук. Так низкое место медленно вбирает воду дождей, полнится, приобретает глубину и становится озерцом.

Светь поймал на себе удивлённый взгляд Болеславы, но продолжал так же.

— Может быть, скоро нам с вами выпадет пойти впереди своего народа, пробивая дорогу сквозь Земли асилков и защищая безоружных пахарей, детей, стариков от чудищ и всего злого и гибельного, что таят владения Велеса. И тогда мало окажется для берёжи и буяров умения точно бить из лука с пяти десятков сажень, на полном скаку пускать стрелы, коленями правя лошадью, за пять сотен шагов чутя по птичьим крикам приближение асилков... Мало. Где же взять ратному человеку особую силу, когда и боги наши, как говорят старики, не выдержали веянья Холода и перебрались на Юг?.. Сила наша — в верности пути Прави. Пока держимся одного закона — можем опереться и друг на друга. Асилки, бывало, шли на меня и втроём, и вчетвером, но заботились не о том, как одолеть меня, а о том, кому достанется в добычу мой конь. Опасались друг друга, не поступали едино — и были биты. Помните, и меньшинство может стать сильнее, если сплочённое. Не в числе сила — а в дружестве. Но это не всё...

Светь повременил немного, огляделся. Почти все буяры стали вокруг него и внимали напряжённо и доверчиво. «Значит, Яр им такого не говорил... -подумалось вскользь.- Оно и верно: без силы и ловкости тела, которым обучает он, нет и силы духа, о которой теперь говорю я.»

— А ещё хочется сказать вам о бузе, особенном состоянии ратника, потому как знаю: не даётся оно пока что вам, а потребность в нём большая. Пять раз, войдя в бузу, спасал я себе жизнь, — тут он вспомнил шестой случай — с гмурами — когда и буза не спасла от плена,

но — к счастью. — Я видел, что иные из вас достигають этого необычного состояния долго, треть поры, но в боевой стычке враг не станет ожидать и нанесёт удар незамедлительно. У вас будет лишь миг, когда опасность гибели должна сделать ваше тело вдесятеро сильнее, сделать неуязвимым даже для нескольких злобников из Леса.

— Мы давно обучаемся бузе так, как велит Яр. Но потребуются ещё многие месяцы... — возразил кто-то.

— Ты же сам постигал её годы.

— Да, — согласился Светислав, — всё так. И только вчера, до того как взяться за огненное колесо на празднике, я понял, что можно было и быстрее — не за годы, а за пару Лун или даже за одну.

Буяры заговорили разом, выражая недоверие. Даже Метислав глядел в Землю и покачивал головой.

— Внимайте же, друзья и подруги, ибо понять это надо не только умом, а раньше всего душою, сердцем. И я уверен, что есть другой путь, короче того, по которому шёл я и идёте теперь вы... Вот мы начинаем двигать руками, потом делать шаги — вперёд, вбок и устремляем взгляд внутрь себя, по крупицам собираем всю силу и ярость, какие есть в мышцах и жилах. Руки двигаются всё спорее, ускоряются и шаги: прямо правой ногой, прямо левой, ещё провой, вбок левой, правой назад... И снова, и снова — три вперёд, вбок, назад, три вперёд... И вот — как вспышка костра, в который попало масло или животный жир. Вспышка изнутри, из себя — и ты в необыкновенной ярости, не чувствуешь боли, ран словно нет, движения врага для тебя будто замедлились, отуманились, а ты всё так же быстр. Но это не он замедлился, а ты ускорился. Ты руководишь схваткой, ты в один мигразишь хотя десяток врагов и остаёшься неуязвим. И надобно сотворить это весьма споро, потому что буза тут же уходит, а внутренняя мощь, выплеснувшись наружу, обессиливает тебя. И чем более опытен воин, тем резвее входит он в бузу. Иной пару раз взмахнёт руками, сделает лишь один шаг — и он уже в невиданной ярости, словно не человек, а бог...

— Вот у тебя так получается, — прибавил Верослав, буяр десятка и семи лет, один из самых сноровистых здесь.

— Да, Верь. Только силы отданы, и после бузы ты уже не помощник своим друзьям. А ежели схватка продолжается?..

Он помолчал и продолжил вновь помедленнее.

— Недавно я внимал словам, о которых после долго раздумывал. Слова были о том, что, кроме своей, внутренней, надобно искать силу в природе. Она растворена в воздухе, и духи питаются ею, как человек снедью. Ею полнится Земля и, вбирая её, растёт овощ, наливается зерном колос... А сколько силы в воде? Она двигает камни, подтачивает берега, в обрывистом месте реки водопад выбивает глубокие омуты и бьёт так, что — встань под ним — свалит с ног. Стоит только вобрать в себя эту силу, стать частью природы, и вся мощь мира будет твоим помощником. «Может, и сила, неодолимость наших богов отсюда? — подумалось мне. — Ведь были Сыны Богов по телу такими же, как мы, но творили дела невиданные!..» И тогда я решил испытать себя. Надобность в бузе появилась вскоре. Несколько врагов неожиданно напали на меня. Я успел только взмахнуть руками, выхватив и меч, да представить, что сила Матери Сырой Земли вливается в меня, как соки в дерево через корни. Опасался обратиться за помощью ещё и к духам воздуха, ибо время подошло к ночи, и они теснились уже духами темени, укладывались для сна на траву и ветви деревьев. Но Мать Земля дала мне свою силу. Я ощутил это, хотя быстрота и неожиданность нападения помешали.

— Скольких убил? — спросила Болеслава.

— Не о том мои слова... Вчера, приблизившись к огненному колесу на нашем празднике, я снова испытал себя. Не раз и не два брался я ранее за что-то раскалённое на огне. И, будучи в состоянии бузы, не обжигался. Но вчера я впервые не почувствовал, что после бузы из меня

ушла вся сила. Нет, я наполнился ею и, верно, стал ещё крепче. Содействие природы не опустошило меня. Я только закрыл глаза, но словно видел ими, как соки всего мира снизу, со всех сторон, сверху стекаются в меня, будто вода в водоворот на реке, и я закручиваю её в себя и становлюсь, словно медный прут, из какого будут ковать меч.

У вас мало времени, славные буяры, — закончил Светь спокойнее, сказав главное. — Все наши учения скоро будут многократно испытаны трудностями. Отдайте же своё время, хотя бы частью, этой слаженности, созвучию с природой. Уверен, сила, которую вы обретёте из мироколицы, от всей Подсолнечной сделает ваши мечи крепче, стрелы метче, а зрение и слух острее.

Своей необычной речью ратник-берёжа подивил всех, но убедил немногих. Ярослав приучил буяров к тому, что ратное обучение — главное для превосходства над асилками. Но всё же слова юноши запали в души некоторых из тех, которые и сами чувствовали, что сила рук развивается не бесконечно и что особенную мощь придаёт человеку сила духа. Среди таких были более старшие Метислав и Верослав, которые сели на траву и обсуждали слова Светислава. И Боля, соседка Светя в Любомировом селении, задумчиво вертела в руках стрелу с ярко начищенным наконечником и вертела с таким взглядом, словно засомневалась в своём оружии.

Но большинство вскоре заговорило о том, что в последние дни занимало любого из Соколов, — о переселении. До двух десятков лет они не могли подавать свои голоса на Вещенье за какое-нибудь решение, однако, превосходя взрослых мужей-пахарей в ратном деле, буяры чувствовали к себе уважение рода, да и — правду говорил Светь — в случае похода им выпадало главное — беречь других от лютости Леса.

Разговор не был шумным: слух каждого стремился первым уловить знак к общему совету. Потому и Метислав не начинал нового научения — конного, которому уже подошло время.

— А что, Светь, пойдём на Юг?! Что думаешь ты, что думают берёжи в городьбе?! — громко спросил Бортеслав, внук Летислава.

— Возьмите с Яром нас в дозорную дружину! — поддержал его кто-то из-за спины.

— Чтоб первыми гнать асилков!

— Да, в дозорные!

Светислав вспомнил упрёк матери в том, что им, юным, легче покинуть свою Родину, и с грустью понял, что её мудрость постигла то, чего он сам в себе не приметил. И теперь, при этих дружных восклицаниях, он тоже пожелал идти впереди народа и сокрушать все препятствия вместе со своим дядей Ярославом, самым поднаторелым и ухватистым из всех Соколов.

— Я думаю, что в этот миг вопрошает богов наиболее мудрый из вещунов Лебедь Гостомысл. А вы не торопитесь проливать кровь. Помните заговор, который ратнику должно сказать прежде, чем обнажать меч?

— Помним, помним!

— «Я не стремлюсь убивать, но идущему против Праведи не уступлю!»

От селения донёсся звук рога — к Вещенью рода. Звук хотя и ожидаемый, но заставивший многих — вздрогнуть, и всех — посуроветь лицами. Пришло время решать будущее народа, и нужно было возвращаться к семьям.

...Соколы рода Любомира собрались в священной роще в середине заpollдня, когда многие семьи успели уже и позастольничать, потому что совет родичей сильно затянулся. У Святилища стоял сам старший селения, неподалёку — вещун Ладимысл с другими, в числе которых был и межозёрский знакомец Светислава. Западные находились здесь же, у подножия холма. Они оставались ожидать общего решения племён, и всех их родич Люб селил в своём жилище. Остальные родичи Соколов, Лебедей, Уток, Кречетов и других уже разъехались: через пять дней они должны были собраться вновь здесь же и говорить уже от своих родов. Так что Любомировы Соколы вершили свою участь первыми.

Светь сразу же, едва подошёл к Святилищу, заметил Радиславу. Но уходить от семьи при Вещенье не мог, хотя и испытывал сильное желание переговорить с девушкой. Стояла же Лебедица близко от вещунов, видимо, ожидая своего деда, и под полуденным Солнцем, в ярко-белой праздничной рубаше, изрядно расшитой яркими же цветными нитками, с широкой жёлтой лентой вокруг головы, за которую заткнула небольшие мохнатые пёрышки родовой птицы, Радя казалась ещё краше, чем на камне у озера, где ратник впервые увидел её. Но и здесь, в окружении многих людей, празднично одетых девиц, она выделялась чем-то необъяснимым — особой ли статью, мудростью взгляда на пригожем лице с совершенной соразмерностью губ, носа, глаз или необычной складкой тех же губ, в которой сочеталось сразу и многое: уверенность в себе и твёрдость, открытость и пытливость ко всем людям, игривость и нежелание оставлять детские привычки, егизливость любимицы всего семейства...

Любомир приготовился говорить — поднял вверх правую руку. И Светислав успел подумывать только, что девушка из Лебедей попросту ослепила его, как это яркое Солнце, и стоящая неподалёку Тихослава смотрится так же приглядно. Так же... Только взгляд на неё и после дареной метки Лады не сжимает сердце усладливостью и нежностью. Значит, не так...

— Славные Соколы! Белые боги и птица-охранитель с нами! — начал свою речь родич, и Светь оборотился в слух. — Пришло время годового Вещенья! Но не ради избрания старшего в селении собрались мы здесь, хотя мой черёд истёк! Будет и это к концу Луны! А в нынешний день должно нам решить судьбу рода, после чего — вместе с другими родами — судьбу племени и всего народа, который сутки Сварога назад ушёл с Островов и расселился к Востоку от Пояса Рода, у границ великого Леса, владения самого Велеса!

Величавость речи Любомира утишила всё вокруг. Даже ветерок-Полуденник будто приостановил свой полёт и лёг послушать старого и мудрого человека где-нибудь на крыше Святилища или на верхушках деревьев, в нежной листве.

— Никогда ещё, друзья, не бывало у нас в этой Земле такого Вещенья! Вижу, даже дети пришли к жилищу богов, чтобы в важный миг быть рядом со старшими родственниками!

Утром сорок десятков и шесть родичей всех семи племён судили о том, идти ли нам дальше на Юг, как поступили когда-то роды Лосей, Оленей, Косуль, Туров, Бобров, Белок, Выдр, Барсуков, Куниц, или остаться здесь, на Севере, и, сколь можно, противиться наступлению Холода и белой воды! А ежели идти, то как?! Ибо бескрайний Лес со злобными асильками да иными лютыми чудовищами стоит стеной на пути! А ежели оставаться, то как жить?! Ибо Студа-Холод убивает наши посевы, лишает нас довольства и радости, животину — обилия травы, а охотников и рыбаков — прежней добычи!

И вот в великий день Дажьбога мы спросили о своей будущей жизни Белых богов! Тех богов, которые научили нас сеять зерно, ткать холсты для одежды, выделывать кожи для обуви, брать у природы огонь, делать снасти для рыбной ловли и оружие для охоты на зверя! Тех богов, которые хранят нас многие годы Сварога! Которые давали нам беззаботную жизнь на Блаженных островах! Которые через своих Сыновей научили нас сотворять большие лодки, чтобы переселиться с Островов, когда Чёрный Змей и его поганые сыновья начнут захват Севера!

Что же возвестили нам Светлые боги, добрые духи и предки в Нави?! Вот здесь стоят самые знатные из вещунов племён, и я по их согласию передаю изволение обитателей Ирия! — Любомир приостановился на миг, и почти две тысячи людей его рода, даже дети, окаменели и будто перестали дышать, так велико было желание услышать каждое словечко родича!

— Вот что нам сказано бессмертными! На Юге есть Земля без лесов! Она богата и родит даже те плоды, какие росли когда-то на Островах! На Юге тепло, и человек может ходить в холстяной одежде круглый год! Там не бывает ночи Солнца!

Народ разом выдохнул. Послышались радостные восклицания. Однако Любомир поднял руку и продолжил.

— Боги не противятся нашему переселению туда, ибо те Земли без людей и мы никого не притесним. И придёт время, когда Сварожичи вернутся на Север, раскуют Острова от твёрдой белой воды и загонят чёрную силу глубоко в Подземелье! Тогда вернёмся на Родину и мы! Однако путь на Юг долог и труден!

— Пройдём! Сварог проведёт нас сквозь Лес! — крикнул кто-то, и его поддержали две-три семьи.

Любомир снова попросил внимания.

— И ещё одна весть! За ту Землю нам предстоит великое противоборство со слугами чёрных богов, ибо не хотят они нашего сохранения и заселения в тех благодатных местах. И будет эта трудность больше, чем схватки с асилками!.. Так возвестили наши предки в Навии, так возвестили боги! Теперь же старшие пусть держат совет в своих семьях и сообщат мне о согласии или несогласии на переселение. После же, ежели наш род скажет за уход на Юг, я стану говорить о том, как уходить. А на совете только два родича Уток сказали против переселения — Аремир и Тулемир.

Обсуждение в семьях прошло быстро, хотя многие, особенно из стариков, были недовольны тем, что Любомир не пояснил сразу, каким способом родичи предлагают идти на Юг. Потому четыре семьи из семи десятков, вопреки воле богов, сказали переселению нет. Хотя и оговорились, что общему решению противиться не станут.

Прошло немного времени, и родич, выслушав старших семей, вновь встал на возвышении и возвестил о решениях семейных советов.

— Друзья! — продолжил он. — Никто из нас, родичей, не ратовал за уход теперь, весной! Ибо нет в достатке повозок и оружия! Ибо посеян, но не собран урожай! Предлагаем время — в конце страденя, после праздника жатвы!

Куда же и как нам идти?! Посланцы западных племён, которые стоят здесь с нами, наши братья, живущие по ту сторону Пояса Рода, прибыли с призывом соединиться с ними и двигаться на Юг через Леса Бармы! Десяток и пять племён, каждое по два десятка тысяч — большая сила! «Но этой большой силе будет потребность и в больших Землях, — сказали мы. — Да и Леса Бармы весьма велики! Будет ли в достатке снеди для всего народа на многие месяцы пути?!» Родич Вышемир, Сокол и наш сосед, говорил Луну назад со старшими горного народа гмуров! Когда-то мы обменивались с ними, но то время прошло, и вот теперь гмуры неожиданно попросили в обмен на крушец и оружие Каменное взгорье! На что оно им, Вышемиру неизвестно, но эту бесплодную Землю с диковинными ночными огнями Соколы давно объезжают стороной! Вышемир предложил гмурам другое: чтобы наш народ, ежели решится на переселение, прошёл вдоль Пояса Рода, по краю Леса, прикрываясь горами от нападений асилков! Гмуры согласились не препятствовать!

Шум голосов прервал Любомира. В селении уже многие обо всём знали, потому что приходили послушать совет родичей, но у всех людей Равнины Лес вызывал боязнь и отвращение. Потому возможность идти на Юг по предгорью, где деревья росли редко и легко было пробить дорогу повозкам, необычайно обрадовала Соколов. Теперь противников у переселения почти не осталось.

Родич дал людям перемолвиться и поднял руку.

— Первое решение, которого я прошу от семей, такое: отдать ли гмурам Взгорье немедленно, как они того просят?! И второе! Мы предлагаем, не дожидаясь месяца страденя, послать на Юг Дружину из лучших ратников, чтобы к переселению всего народа уже верно знать, что нас ожидает на Юге. В Дружину же эту от каждого племени дать по десять бессемейных юношей и девиц, владеющих оружием!.. Старшие, я ожидаю вашего ответа!

Снова Вещенье перешло в семьи, но на этот раз тянулось куда дольше. И непонятная просьба гмуров — а многие уже забыли об этом народе, — и выдумка родича Вышемира, и,

особенно, предложение отправить Дружину ради прояснения пути на Юг и новой Земли — всё это вызвало много разговоров и даже препирательств.

— То плохо, что вы могли погибнуть в городьбах, — говорил старый Будислав Яру и Светю.- Теперь же в десяток от Соколов, явно, включают и вас. А вернётесь ли с Юга? Я не могу терять из своей семьи ещё двух взрослых мужей.

С ним соглашались и Венцеслава, и Горислава, и старая Градислава, и тётя Светя Велислава, которая досадливо прибавила к словам старшего свои:

— Что у нас за семья такая ратная! А не вызреет урожай, овощ не уродится, придётся жить охотой да рыбалкой. Много ли промыслят мой Изь, да Милослав, да наши дети?

Светислав молчал, понимая, что всё неизбежно, и выдумка родичей касательно передовой Дружины мудра: лучше погибнут они, семь десятков неженатых и незамужних, чем весь народ. Однако Яр решил устыдить свою семью:

— Есть, Веля, и худшее, чем недостаток снеди. Если не пойдём мы со Светом или Кречет Гормослав, тогда не вернуться никому. А выдержат ли Соколы ещё хотя бы одну зиму здесь, у холодеющего Моря?

...Четверть поры советовались родственники в семьях, и только тогда, вновь выслушав всех старших, родич Любомир вышел с речью.

— Друзья! Вот и все решения приняты вами, остаётся ожидать того, что скажут другие рода! У нас же ни одна семья не возразила против обмена с гмурами! Должен прибавить, что и от их оружия Вышемир не отказывался! Будут нам и путь по предгорью, и мечи из крепкого горморуна! Такая вот чудная потребность в этом Взгорье для маленьких жителей гор!

Теперь о Дружине! Возразили — восемь семей! (Он перечислил) У всех восьми есть кто-то в берёже или среди буяров! Оно и понятно: не желает семья терять рабочие руки, а матери — своих сынов! Как старший рода обещает: семья, давшая ратника в Дружину, получит в урожай от всех других семей, сколько вырастила бы сама, ежели этот ратник не уходил бы на Юг! Дело общее, и, думаю, советоваться о том не надобно?!

Никто вслух не высказался, и родич объявил последние слова Вещенья.

— Но будет так, что семья не отпустит своего в Дружину, хотя и сам он или она в согласии, так не уйдёт тот человек на Юг! Ибо не переступали мы через Закон Праведи в лёгкое время, не переступим и в пору трудности и испытания! На двух ногах стоит народ, что ушёл сутки Сварога назад с Блаженных островов! Одной ногой — на Земле-Матери, питаюсь её силой, как дитя питается от родительницы! Другой ногой — на вере и Праведи, питаю от Закона Коляды силу своего духа!.. И всё же прошу семью брата моего, мудрого Будислава помыслить не только о выгоде для себя, но и для всего племени Соколов! Любой знает у нас, что нет человека, который понимает Лес лучше Ярослава! Жену его прошу Венцеславу, ожидающую в обычных тревогах шестое дитя! Двух славных ратников дала ваша семья на охрану границы, и нет другой такой семьи! Подростков-буяров обучает Яр, чтобы превосходить нас асилков в схватках! Верной опорой ему юноша Светь! Но пусть знает Будислав, и Венцеслава, и вся славная семья ваша, что другие семь семей, которые не хотят отпускать своих в Дружину, готовы согласиться, ежели во главе её пойдёт — Ярослав!.. Уверен, в иных селениях Соколов скажут то же! Вспомним великий Лесной поход прошлого года! Мстя за дитя, наши ратники на пол-Луны вошли в Лес, и все вернулись живы! Тогда любой из них говорил одно: с Ярославом мы непобедимы!

Гомон поднялся было вокруг, но Любомир усилил голос и не стал прерываться.

— Однако Закон не переступим! Решать будет семья! Нас же, Соколов, десять тысяч, и десяток ратников для Дружины мы выставим! И не слабейших, чем соседи Кречеты или другие!

Во всё продолжение речи Будислав покачивал головой и даже ухмыльнулся на двухкратное братово «славные», потому что этим словом больше величали богов, чем людей. Старик понимал лукавство родича, но и прилюдное уважение, оказанное его семье, было приятно.

Сам Яр стоял молча и сурово, и, видно, думал совсем о другом. Светиславу казалось, что дядя давно уже всё решил и волю семьи не считает препятствием. Юношу немного удивляло, что речь идёт больше о Яре. Ведь в Лесном походе тот шёл со всеми, а он, Светь, всё время на сто сажень впереди, ибо только так, в одиночестве, можно было учуять или услышать приближение асилков. Три раза косматые уступали в чуткости равнинному человеку и получали его стрелы, не видя самого, и раньше, чем к месту стычки подходила вся Дружина. Впрочем, не зависть испытывал Светь, а опасение: уступит Будислав, отпустит Яра, а внука-берёжу оставит с семьёй.

Однако стоило только родичу увлечься восхвалениями Ярослава, как вокруг послышались одиночные восклицания о том, что создатель буярства — самолюб и гордец. Тут уж Светь отбросил свои мысли и едва не пустился в препирание. Теперь он мог рассказать о множестве добрых и полезных дел своего дяди даже перед всеми Соколами.

Однако Вещенье притекло к своему завершению, и теперь только через пять дней можно было решать, кто пойдёт в Дружину — когда родичи других селений «птиц», узнав волю своих людей, вновь съедутся к Соколам на совет. До Светя донеслось только, как кто-то громко сказал Западным: «И не ожидайте напрасно! Неудобно нам идти вместе с вами! Слишком много вас, Лис да Волков!». Он же направился поскорее в сторону Радиславы, потому что предполагал: хотя и могут остаться здесь другие вещуны, чтобы проводить Дружину в поход, но Гостомысл с внучкой, скорее всего, отправятся обратно: не могла девица-Лебедь так долго находиться среди Соколов. Вот если б вышла замуж да сменила перья...

«Надо же сообщить Гостомыслу, что я выполнил его поручения», — робел Светислав. — Да и она напоследок говорила, что это дело и её касается».

Ему было что сказать, он находился среди людей своего рода, а не на чужом озере с незнакомым леском вокруг, и всё же, приближаясь, чувствовал стеснение. Будто с каждым шагом опутывали его всё теснее крепкими бечевами. Так что и дыхание, до того незамечаемое, норовило сбиться или прерваться вовсе. «Вот же напасть. Когда впервые занёс цеп, подарок Яра, над головой асилка, огнеглазого, гнилозубого, не так страшился, как теперь. Одолела меня девушка, хоть беги прочь. Но уйти ещё труднее. Когда теперь свидемся... Вот окликну, а она: „Что, буяр, закатил огненное колесо Дажьбога? Все девицы — Соколицы в селении отдали свои метки Лады? Небось, едва дотерпели до твоих двух десятков лет?“ Засмеёт. Будет чуждаться других девушек, потому и засмеёт».

— Радислава!.. Здравствуй. Белые боги с тобой.

— Светь! Здравствуй! Храни тебя Сокол и все светлые силы! А я сама собиралась искать тебя... Да-да, не удивляйся! Я уезжаю теперь с дедуней, и мы встретимся, наверно, через четыре-пять Лун. Не знаю точно. Ведь ты пойдёшь в Дружину?

— Я-то желаю, но мать, дед...

— Ваш старший согласится. Он просто не знает ещё воли богов. Вам должно обоим идти: и Яру, и тебе.

— Боги сказали Гостомыслу о нас с Яром?

Радя оглянулась: её дед отделился от вещунов, которым что-то всё договаривал, будто опасался упустить важное. Но к нему подошёл Ярослав, ведя трёх лошадей, и Светь понял: третья — для Радиславы.

— И вы — в Каменное взгорье? — догадался юноша. — Да что за место такое! Всех тянет, как пчёл на цветущую яблоню...

— Ты прости, мне пора. Придёт время, когда разъяснятся все загадки. Теперь же — главное. Не осуждай нас с Гостомыслом, что послали одного к горам. Но там ты, может, спас

Дружину, которую ещё только собирают наши племена. Я знаю, что тебе пришлось побывать у гмугов. Ты мог погибнуть. Дедуня молвит: «Если этот муж вышел из Подземелья, где нет силы Сокола, то он храним самим Родом. А раз так, значит, Светлые боги не оставили наши племена».

Светиславу хотелось остановить девушку, сказать, что причина его спасения в другом, а бог Род помогал, скорее, его отцу, чем ему. Однако Радислава говорила всё торопливее, и в тот миг, когда к ним подъехали Яр и Гостомysl, она, верно, ещё многого не успела высказать.

Светь и старый вещун приветствовали друг друга.

— Главное-то молвила? — Гостомysl ласково улыбнулся внучке. — Она тоже идёт в Дружине. И я, старик, с вами, юными. Значит, Лебёдушка, распустим крылышки, взлетим в поднебесье да на Юг, на Юг?.. А ясные Соколы следом.

— Вот и с родственниками тоже толком не попрощалась, — вздохнула Радислава. — Что же, свидемся. Дедуня молвил, всё у вас с Ярославом будет получаться, только нельзя на себя смотреться.

— Нельзя глядеть в воду?

— Не знаю. Смекай.

Яр подставил колено, и она вспорхнула на лошадь.

— Светь, скажи нашим, что ворочусь ввечеру, — попросил юношу его дядя.

Мужчины тронулись, а девушка замедлилась, словно обвыкаясь к чужому коню. Потом обернулась и, отъезжая, помахала рукой:

— Скажи, если не тайна, чего просил у богов, когда пускал в реку свой венок?! Небось, жену-красавицу да десяток деточек?!

— Всё забавляешься?! Я просил, чтоб боги ясно возвестили нам, переселяться или остаться здесь... А ты?! — крикнул он вдогонку.

Лебедица махнула рукой:

— Потом скажу!

И они умчались в таинственное Взгорье, которое как-то непонятно должно было помочь перелёту двух Лебедей на Юг.

...Наступила выть, время застольничанья, и семья Будислава собралась за столом. Восславив богов, старший дал знак садиться и взялся за нож — резать калачи. Все пребывали в молчании, даже дети, которые не понимали, но чувствовали разладицу между родными. Яр, только что воротившийся и ещё свежий от умывания, с влажными волосами и распутившейся бечевой на тельнице, из-под которой поблёскивал начищенный солоник, сосредоточенно и сумрачно вертел в руках свою ложку. Его Венцеслава — заметил Светь — в этот миг действительно походила на птицу-мать: а она была привезена Ярмом из племени Уток. Сидела Венца нахохлившись, выпятив плотно сжатые губы, и два птенчика — Воислава и Крутислав — прижались к ней, словно в воздухе над ними кружился какой-то хищник. Горислава и Велислава сидели рядом, одинаково печальные, как будто поровну разделили заботу — возможный ратный поход родных людей. И только в огнище весело потрескивало, и Светиславу даже захотелось сказать что-нибудь бодрое, вроде: «Вот огонь умирает, а чавкает последней дровиной, будто, сорванец, только родился», но дед показывал лицом и каждым движением, что мучается от множества мыслей и забавляться не стоит.

Светь оглядел большую родню, покой, где уместилось бы четыре десятка людей, и подумал: «В последние годы редко подолгу бывал здесь, теперь же могу уехать на долгие месяцы. А летом, может, всей семье придётся бросить это жилище, уйти с Равнины да где-то далеко на Юге строить новое». Подумал, и всё вокруг стало восприниматься таким привычным, нужным, без чего будет трудно обойтись, что, ежели исчезнет из жизни, заберёт с собой часть жизни. В этом жилище он родился, рос, постепенно выходя под навесье, потом бегая с другими детьми по селению, выезжая со старшими в поля, наконец, с дядей Ярославом при оружии отправля-

ясь к границе Леса. Мир расширился всякий год. И вот, едва ему исполнилось два десятка лет, как он, единственный из Соколов, побывал в Подземелье. А теперь и вовсе — уйдёт глубоко в Лес, за сотни вёрст от Моря. Однако же мир родного жилища не стал с годами маленьким и незначительным. Каждая частица его свежа первым детским впечатлением, которое никогда не уйдёт из души, не прикроется чем-то большим, ибо — первое. Этот стол и его, Светиславово место за ним. Дымник напротив, под потолком, лучше всего видный с его места, отчего дед Будислав завсегда к ночи, поёжившись, спросит: «А что, Светя, дымник-то прикрыт у нас? Откуда свежесть вползает?» Большая глиняная печь в правой от двери стороне родни, кормилица и владычица всего жилища, в котором кроме общей родни — тела, где стряпались и ели, были ещё руки да ноги — припасники, клетки да спаленки пяти маленьких семейств, уже без печей и огнищ, с одними лишь постелями. Эту печь прохладными вечерами облепляли дети, гадавшие по запаху, какой пирог пышнее и набирает тепла внутри — репник, свекольник, луковник... У входа же на спицах висят утирники, и среди них один — с вышитыми по краям чудными золотыми Соколами — подарок Гориславы ему на десяток и восемь лет...

— Чем нас порадуете, сынку? — прервал Будислав тоскливые мысли внука.

Изуславу, к которому обратился старший, было уже шесть десятков и один год, потому обращение «сынку» рассмешило детей. Но дед не прибавил к своим словам ни улыбки, ни весёлости в голосе.

— Чем порадуем?... А ежели стряпается с душой, то и естся с довольством. Вот мы с Велей, да Зарёй, да с внуком Путеславом, который помогал — дровины рубил да носил — порадуем вас тюрею, похлебкой-крапивницей, дарением весны-красны, да печёной рыбкой-карышем, да морковной паренкой и овсяным киселёчком.

— Что же, сынку, — повторил Будислав ласковое слово. — Ты и говоришь так усладливо, что без снеди станешь сыт. А кисель — то добре, пусть порадуется наш кисельник Яр. В походе, небось, не дюже накислое ешь.

— Что, тятя, — поднял Ярослав голову, — уже отпускаешь в Дружину?

— Отпускать или не отпускать тебя — то решать жене твоей да пятерым деткам. Их и спрашивай наперво, а мне сейчас скажи о том, что такое наши великие боги возвестили Ладымыслу о двух славных ратниках, под которыми все угадали вас со Светом? Почему я слышу это от других старших, когда мой сын — друг того седобородого Лебеда, что руководил утром обращением к богам? Ты поведай нам волю богов, а мы станем есть да внимать.

— Родич наш, смекаю, решил перед всеми возвестить лишь то, что вещуны сумели понятно объяснить, — возразил Яр и вместе с другими приступил к еде. — А чего не изъяснили, что неясно и зыбко, на том не стоит опираться в решениях. Да ещё касательных всего народа. Тайны же в этом нет никому. И Любомир, и Ладымысл о совете и гаданиях говорят с любым, кто спросит... Предки-навии сообщили, что после смерти человек всё равно покидает Родину. Важнее не забыть Правь. Если будем идти путём Праведи, боги дадут нам тёплые Земли на Юге, а через три месяца Сварога, через шесть с лишком тысяч лет, наш народ воротится на Острова. На летучей лодке на Север прилетит юный и красовитый бог, подует огненным дыханием-ветром на белую воду и растопит её.

Ярослав, заметив, что дети удивлённо внимают ему и перестали есть, напомнил им, для чего они за столом. И сам он подвинул ближе рыбу и продолжил с перерывами.

— ...Тогда за верность Светлым богам потомки аркаидов получат в пользование силу огня, равную самому Солнцу, и Белобоги вместе с людьми выйдут на последнюю битву со слугами Дыя и Вия... Свет и тепло одолеют темень и Студу, наступит время вечного Солнца... Но надобно будет по справедливости разделить богатства, которые откроет людям раскованная от холодного колонтаря Земля. Иначе дух чёрных богов возродится, и всё станет напрасным.

— Неясно, — промолвил Светислав.- Наш народ и в старину уходил на Юг, когда одолевали чёрные боги, возвращался на Север, когда Белые, собравшись с силами, одолевали и вновь заселяли Острова...

— Я понял тебя, — покачал Яр головой.- Видно, наши боги не желают более смиряться с тем, что каждый год Сварога их вместе с людьми, ослабевшими и изнежившими в обильных садах Островов, изгоняют с Севера неутомимые в злобстве потомки Чёрного Змея. И потому они дадут им последний бой и навечно загонят в Подземелье. Чтобы сотворить такое, Сварожичи возьмут себе в помощники тех из людей, кто сохранит верность Прави...

— Ты сам так думаешь или это сказал мудрый Лебедь? — спросил Будислав.

— Навии-предки молвили через наших вещунов, что чёрные боги не удовольствуются Севером, будут посылать на Юг рати своих слуг, и нам придётся биться с ними, ведя за собою все народы, не желающие отступаться от веры отцов. И всякий раз противиться злой силе будет всё труднее, потому что сила та станет возрастать от темноты в наших душах. Гостомысл понимал под этим переход людей на сторону врагов.

— Как такое возможно? — удивлённо спросили сразу все взрослые, оторвавшись от своих чаш.

— А последний бой наш народ будет вести только с одними отступниками из своих, — невозмутимо продолжал Яр, который, видно, уже осмыслил все пророчества.- И будет она длиться одни сутки Сварога...

— Сутки Сварога... семь десятков и два года. Так долго будут ратиться? — не поверил Светь.

— Потому, что со своими. И многие свои перейдут на сторону зла... А одолеют их лишь когда вернуться к древней Праведи, к светлому Закону жизни, и вместо восхваления людей восславят Творца мира.

— И когда же в первый раз явятся слуги чёрных богов? — спросила Зареслава.- Ещё в нашу бытность?

— Провещано, что они станут приходить всякий раз, когда наш народ будет отступаться от Закона предков, от их веры.

Некоторое время ели молча, и только старушка Градислава не ушла в свои мысли, чтобы обдумать сказанное, но укоряла детей, если начинали озорничать, а когда маленький Путеслав попытался сам остудить горячий кисель и дунул так, что брызги упали на стол, что-то утешливо зашептала готовому расплакаться от обиды правнуку.

«Старые люди мудрее, — подумалось Светиславу.- Наша бабуня живёт насущными заботами, а Яр уже в эту пору готов приготавливаться к будущему, к великим ратям, до которых, может, тысячи лет. Нам бы сыскать равнину вёрст на сто в длину да хотя бы на два десятка вширь, чтобы не сечь деревья осенью, когда все силы потребуются на устройство новых жилищ. На Юге, верно, всем племенам придётся жить теснее. И Лебеди, и Соколы станут ближе...»

— Что же, — заговорил вновь Будислав, — то, что ты молвил, я слышал не раз на Вещеньях. Верность Праведи мы прививаем детям сизмальства, потому пока опасаться отступничества не следует. А переселение да трудности его не разобщат народ, а сплотят. Думаю так, ибо помню наш уход с Островов. Здесь, у Пояса Рода, злотворцы асилки быстро вынудили нас и помогать племя племени, и ратному делу, и придумкам вроде городьбы. Ты же мне, сынку, скажи, что такое в Нави удумали о вас со Светем? Почему все старшие да матери берёжи мне твердят одно: пусти сына с внуком, им сами боги дают силу вести Дружину.

— Плохо забавляешься, — упрекнула мужа Градислава.- Белые боги никогда не сообщают чьего-либо имени, они только предлагают путь...

— Так какой же он — этот путь? Почему наша небольшая семья должна, когда Соколов целый десяток тысяч, отдавать в поход сразу двух мужей? Не ты ли, жена, говорила Луну назад с Горей, какая красовитая внучка у Остролава?

— Не смущай Светя. Не смущай. Полюбится Тихослава или какая другая, женится хотя бы осенью. Вон наш Яр не в два десятка лет семейственным стал...

— Помню, помню, как ты его корила: найди себе Соколицу. А он слетал к Котугдани, поохотился да принёс в когтях Утку.

Все засмеялись: и беззлобному препирательству стариков, и повторению семейной шутки о том, как Ярослав искал себе невесту.

— Бабуня права: не обо мне со Светиславом сообщалось, — вмешался Яр, которого — Светь приметил — порадовало, что опечаленная Венцеслава наконец улыбнулась. — Сказано было, что две поганые головы будут думать о том, как лишить потомков аркаидов Земли, а одолеют их два мужчины-родственника да две жены, глядящие а одну сторону...

— ...Это, тятя, — слово в слово от Гостомысла, — прибавил Яр не сразу, — вот, объясняй себе как желаешь.

— А что тут объяснять? Вы со Светем уйдёте на Юг, а Венца да Горя станут месяцами с печалью глядеть в сторону Леса да умолять богов да духов, чтобы хранили вас.

— Понимай так. А только осилить Лес можем лишь я и Светислав. И к походу этому я przygotowуюсь уже два года, как заговорили о нём впервые и как ясно стало, что Холод не остановится захватом одних лишь Блаженных островов. Я даже поднимался на Березань, вершину, едва видную отсюда, и знаю, куда вести людей.

— Твои приготовления, сынку, я и сам примечаю, да только до Березани два десятка вёрст, а Дружине выпадет пройти, может, много сотен. И чем более вы будете отрываться от своей Земли и своего народа, тем более влиять на вас будет чужая природа. Влиять да изменять. Теперь ты имеешь обиду на семью, что не пустила тебя в поход на Вещенье, а через два месяца пути, может, займешь обиду на весь народ.

— Отчего же? — удивлённо и немного растерянно спросил Ярослав.

— А вот отчего... За то, что любим тебя и не желаем твоей гибели! — Будислав возвысил голос, добро, что дети, кончив застольничать, уже вышли из-за стола. — Ведь и другие, Яр, видят в тебе душевное затемнение, и о том говорилось на Вещенье. Праведь — проста, и следовать ей труда нет. Вот тут-то и вползает змеёю в душу смутная мысль: «А не мудрее ли я Праведи? Особенно когда моему мечу под силу решить все трудности и испытания?...» Не сомневаюсь, сын, что ты проведёшь Дружину на Юг. Но не выгорит ли в тебе на жарком южном Солнце что-то такое, за что тебя уважает весь Любомиров род? Слишком яркое тоже коварно, как и темнота. Хорошо — когда всего в меру.

— Нет, — твёрдо ответил Яр, хотя все заметили, что слова старшего семьи заставили его задуматься. — Нет, я никогда ещё не отступил от Закона даже на полшага. И не отступлю. А если проявится на моей душе хотя бы маленькое чёрное пятнышко, вот моё слово: пускай Светь пустит стрелу прямо мне в сердце, чтобы не позорил свои род и племя.

— Это добрые слова, — покачал головой старый Будислав. — Видно, потому и посылают вас боги в паре. Чтобы присматривали один за другим и не позволили отступничества. Со стороны-то виднее, и свой не постесняется указать на зло в глаза. О себе же всегда заблуждаешься... А отпускать тебя или нет — пусть решают Венца да твои дети. Ты прежде всего им опора. Им и сказать от всей семьи. Ты же, Светь, спрашивай свою мать Гориславу. С тобою-то проще: детей не бросаешь. Но если вы, — старший посмотрел на обеих жён, — скажете мужу и сыну «да», знайте и то, что семь племён будут глядеть на них глазами своих дружинников. И семья наша может получить как великое уважение, так и великую срамоту. За всё в ответе семья, родители. И если выпустили они в жизнь человека, отошёл он от родного порога и сотворил где-то зло, вернётся это зло не только на его голову, но и на всё семейство да в нескольких поколениях. Самый важный труд — не в поле, не с животиною, а с детьми. И наибольшее прославление тем из людей, чьи дети прошли по жизни с добром и совестью...

Повесть 5. Ратный смотр

— ...И кто же у нас такой ранний?.. Кто же такой ретивый?.. Кто спать не желает, а желает тятю провожать да вслед за тятей поспешать?..

Светислав под мягкое, ласковое воркование женского голоса входил в Явь, и казалось ему, будто это мать его, Горислава, забавляет его, маленького, бойкого Светя, пробуждавшегося утром от самого небольшого шума, особенно когда отец подымался на заре идти в поле или обихоживать животину. От детского воспоминания защемило в сердце, состояние счастливой беззаботности и всегдашней восторженной радости жизни нахлынуло, как тёплая волна на реке, когда лежишь в жаркий летний день у бережка и прикрытые глаза обостряют другие чувствования — слухом, телом...

Но студёным мокротным туманом вторгается в светлый мир детских ощущений знание о жуткой гибели отца, знание, воспринятое недавно и совсем иным, взрослым, разумом, и сладостный Ирийский сад утра жизни рассыпается, тает, а вместе с тем приходит совершенно явственная мысль о том, что Яр уже ушёл готовиться к ратному смотру, что проснулась растревоженная родительскими перешёптываниями маленькая Воислава...

— А ну-ка, потягунюшки-порасту-унюшки... — продолжала Венцеслава свои приговорки.- Как берёзка белотелая, наша Воя поднимается. К ясну Солнцу, в светло Небо устремляется... А вот наши руки-хватку-ууу-унюшки... А вот наши ноги-то-ходю-ууу-унюшки... А и носик-тянулка, а и ушки-внималки, а и глазки-гляделки...

Светь не пожелал и далее втайне слушать слова и щекотку матери и смех дитя из соседней спальни и встал с постели. Тут же убедился, что не только маленьким пришло время пробуждаться, но и взрослым: Горислава уже ушла куда-то на двор, видно, доить коров. Венцу же, горевавшую все дни после Вещенья, в семье жалели, и старики, подымавшиеся раньше других, даже перестали утрами будить её для обычных дел. Она и сама в свои три десятка и четыре года осунулась так, что гляделась одногодкой с Гориславой. А мужу она сказала так: «Если идёшь ради народа да можешь сохранить жизни юным — иди. Общее дело важнее семейного. Но когда сотворишь задуманное, вспомни: мне с детьми нужны не твои свершения, а ты сам, простой и любящий...»

Светислав надел грубую рубаху, натянул порты, следом кожаную обутку, опоясался, поправил перевязь на голове — купавную, буярову — и приладил обратно вытянутые на ночь соколиные перья. Накидку пока взял в руки. Вся остальная одежда — ратная — хранилась в отдельной клетки, потому что Будислав не терпел оружия на видном месте.

В родне, куда, одевшись, вышел Светь из своей спальни, уже занимались делами Градислава, дядя Изуслав с женой Велей, их сын Мил. Вышла одновременно с племянником и Венца с маленькой Воей, шлёпавшей по глиняному полу босыми ногами.

— Здравствуйте! Белые боги с вами! Разоспался я, и никто не потревожит. На смотр пора.

— И ещё бы спал, — ответила за всех Велислава после приветствий.- Куда поспешаешь? Ярь умчался с первым светом, ты торопишься, Мечислав и тот матери не жалеет, просился в Дружину.

— Меч?! — удивился Светислав, умывшись.

Венцеслава в ответ только махнула рукой:

— Хорошо, что шестое дитя пока не родилось, а то и оно поползло бы следом за таким разудалым отцом.

Светь понял, что, хотя семья и отпустила их с Яром в поход, да недовольство осталось.

— Ты не ожидай нас, ратник, — ласково прервала молчание Градислава.- Застольничай. Вот квасок медовый, каша не остыла со вчерашнего, овсяничник свежий... Тебе, внучек, в этот день сила очень будет нужна. Я и сама на смотрины те приду, порадуюсь на вас...

— Чему же радоваться? — Венцеслава присела рядом кормить дочку.- Уходят, неведомо куда и неведомо зачем...

— А ты неправа, дочка. Нет. Ты, как муж твой, своему разуму больше внимаешь. А вещуны-то недаром путём мудрости идут. Им лучше нашего ведомо, что и зачем. И изволение божие лишь они могут прознать и донести народу... Я тоже мать, и у меня в груди щемит тревога за сына, да только кто в этот день угадает, что лучше: идти на Юг или оставаться здесь? Может, им, ратникам, надо за нас тревожиться, а не тебе о своём Яре...

— Это только утешение, — покачала Венцеслава головой.- Чего нам опасаться? Неурожая разве. Так охотой-рыболовством проживём. Летом не только поле родит, а и лес, и луг. Проживём...

Она повернулась к Светиславу.

— Я прошу тебя, сдерживай Яра, сколько можешь. Он чересчур на свою умелость полагается и пожелает всю Дружину скрывать за своей спиной. Да ведь вас там, к Югу, не только асилки станут донимать, про которых вы всё знаете. И другие опасности будут.

— Обещаю, — кивнул Светь.- Однако ж он у нас старший. Не Ярослав уже, а Яромир. Так что противиться не стану, если велит что. Я простой ратник.

— Ты племянник ему, и давно уже как друг. Твои слова он не прервёт. Будь же мудрее. Ему — повелевать всеми и помышлять за всех. Да снизу вверх, от простоты-то, бывает лучше видно. Вот когда на взгорье заезжаешь, совсем по-иному вокруг смотришь на вольном ветре да средь простора бескрайнего. И в голове кружение, и радость родится в душе. Думаешь что ты — выше всего. А мысли здравые будто в том просторе растворяются, не хватает их на такие пространства. Снизу же видишь меньше, да точнее. Особенно когда все мысли обращены к вершине.

Светислава покорило то, что Венца ставит своего мужа так высоко над остальными дружинниками. Их всего-то семь десятков. Здесь, на Равнине, под началом Яра было, если взять сменяющих друг друга берёжей да ещё буяров, — до ста человек, а и то он держал себя как старший друг, лишь более опытный да сноровистый. Однако — Светь приметил — в последние дни все в их семье да и в селении тоже, сделились настоящими мудрецами. С трудом умещаются в его памяти бесчисленные советы, даваемые сородичами, в то время как мысли его — о том, что ожидает впереди, как изготавиться к дальнему пути, что взять с собой. Да ещё постоянно гложет тоска по оставляемым вскоре семье, жилищу, родному селению и привычной жизни. Яр — тот умаялся уже так, что осунулся лицом. Подбор лошадей, изготовление оружия, а главное — выбор десятка ратников из Соколов. Точнее, восьмерых — без него самого и племянника...

Пока Светь ел, Милослав уже принёс ему из клетки обязь с гмуровым мечом, лук с тулом, колонтарь и прочую боевую утварь. Надо было облачаться к смотру.

— Вчера ты спрашивал пеньковые нитки, — вспомнила Зареслава, вносившая в жилище свежее молоко. — Вон на спице... У нас не оказалось таких, так твоя мать утром сходила к Острославовым, взяла у них... Сказала, сама Тиха ей вручила нити. Мол, для такого славного ратника ничего не жаль.

Последние слова жена двоюродного брата сказала, забавляясь и, явно, с выдумкой, однако все бывшие в родне кто засмеялся, кто улыбнулся. Как-то проведала семья, а, может, и сама девушка не сдержалась да высказала свою тайну, проведала о метке Лады, и теперь Светь, хотя и уходил на многие месяцы из родных мест, сделался для всех женихом.

— Так и есть, — лукаво притворяясь непонятливым, ответил Светислав.- Всё селение снаряжает нас в поход. Ты вон новые сумы нам с Яром сшила...

С того дня, как Вещенье решило отправить на разведывание южных Земель семь десятков бессемейных соплеменников, прошло пол-Луны. Уже на третий день вместо ответа от Кречетов прибыл десяток ратников — семь юношей и три девушки, все из порубежной берёжи. Следом родичи других племён привели свои части общей Дружины. К назначенному для второго совета дню уже было ясно, что все семь племён пришли к согласию о переселении: если юный отряд обнаруживает на Юге подходящие и пустующие Земли, то во вторую половину лета весь народ, собрав что можно из урожая, уходит в тёплые места тем же путём, вдоль Пояса Рода, не покушаясь ни на гмуры горы, ни на Лес асилков. А это особенно понравилось тем, кто поначалу был против ухода с Севера, говоря, что хотя асилки и много зла сотворили людям, да не годится походить на них в злостворстве и вступать в чужой Лес без согласия его обитателей. Спрашиваться же косматых было пустым делом: они жили разрозненно и даже бились селение с селением за лесные уголья.

Потому и был Яромир от зари до первой поры ночи в заботах. Всех иноплемённых дружинников он направлял в четыре соколиные городьбы — для обучения от более знатных. Свои же готовили снаряжение для похода.

В десяток от Соколов вошли сам Яр, старший всей Дружины, его племянник Светислав, которому надлежало идти дозорным впереди всех, да ещё восемь человек: берёжа Ладослав из селения Вышемира, друг и однолётка Светя; Болеслава и Верослав из буяров; Живослава, Рудослав, Красислав и Хватислав, все из берёжи, из разных селений. Болеславу, хотя и не старшему по возрасту, Яр поставил десятницей.

Так что в день поминовения предков, восьмого цветения первого года Лады, когда родичи племён и некоторые из вещунов вновь собрались у Святилища Соколов, оставалось разрешить мелкие затруднения. О главном же — идти или не идти и Дружиной ли, всем ли — уже и не спорили. Старшие селений подтвердили место Яромира в походе, передав добрые слова семейству Будислава; решили дать каждому из дружинников по две лошади: вторую — в запас да для перевозки снеди и всякой утвари; велели старшему взять с собой вестийных голубей, которые и так переносили письма из городьбы в селения и обратно, да ещё велели нацарапывать на кусках берёсты наметки пройденного пути, беря за вершок рисунка одно поприще — то, что осияет за день. А на новом месте, если отыщут такое, наказали родичи Дружине разделиться: одним строить городьбу для обороны от возможных врагов, остальным воротиться на Север, чтобы вести к новой Родине весь народ. Племенам с этого дня надлежало всячески приготовиться к переселению — делать повозки, ковать оружие, для чего дать помощников кузнецам своих селений да ещё отрядить людей на старые, заброшенные рудокопни для добычи меди. Вышемир объявил, что отныне Каменное взгорье отдано гмурам, а те уже передали весть своим соседним родам об обмене с людьми, чтобы не препятствовали походу Дружины. Также гмуры доставили два десятка мешков с медью, которые тут же и поделили меж семи племён, да три десятка медных же мечей и два мешка наконечников для стрел. От самого Правителя Северных гор Вербора была передана холстина в две пяди длиной, на которой зелёными, красными да синими нитями было вышито что-то неведомое даже для вещунов, но что должно было стать знаком для южных гмуров: мол, владеющие этим холстом не враги.

Однако решив всё это, родичи не разъехались по своим селениям, а остились проводить юных соплеменников в путь, а перед уходом их захотели посмотреть на борзость и удаль дружинников, для чего и устроили ратный смотр. На него-то и снарядился Светислав свежим солнечным утром десятого дня месяца цветения.

К луку, где совсем недавно праздновали день Перуна, Светь подъехал, когда все возвышения уже заполнили любопытные, пока больше детвора, на главном взгорке собрались некоторые из родичей и, став кружком, переговаривались о чём-то, а на ровном месте, выбранном для смотра, стояли, спешившись, многие из десятков Соколов, Кречетов, Воронов и Уток, два Журавля в ярких колонтарях из светлой кожи и начищенных медных блях и все восемь

Лебедей, которым племя подобрало одинаковых рослых каурок. Восемь — потому как девятым и десятой считались Гостомысл и его внучка, о которых говорили, что они присоединятся к Дружине чуть позже и, вообще, будто бы старый вещун из Межозёрья может переноситься по воздуху ещё прытче Воронов с их дутенем, зависящим от ветра, из-за чего лошадный путь вдоль гор ему и не требуется. Светислав с недоверием внимал этому, решив яснее разузнать всё от Яра, когда закончится суeta приготовлений к походу. Часто размышляя о спешном отъезде двух знакомцев-Лебедей и о последних словах Радиславы, юноша с трудом связывал воедино милость к нему Правителя Вербора, непонятные надземные и подземные поиски гму-ров в Каменном взгорье и постоянную устремлённость в это бесплодное место Гостомысла и Яра. Удивлённый более всего непривычным почтением маленького народа к цветным камешкам и глубокой верой в их чудодейственную силу, Светь, наконец, решил, что и вещун, использующий сушёные травы и заговоры, и гмуры, роющие на холмах ямы, ищут одно и то же — какой-то великой силы потаённый самоцвет вроде Палагора. Самоцвет, который можно применить как-то и для поиска южных Земель. Но всё это было только догадками. Светь верил в силу Белых богов, дневных духов, в силу слова, особенно сказанного опытным, мудрым человеком, но мощь какого-то камня, хотя и красовитого, ему была сомнительна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.